

Вячеслав Нескоромных

12+

У СТУДЕНОЙ РЕКИ

Вячеслав Нескоромных

У студёной реки

«Автор»

2018

Нескоромных В. В.

У студёной реки / В. В. Нескоромных — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11321-3

В сборник вошли рассказы, в которых сибирская природа и человеческие отношения. "У студёной реки" - название одного из рассказов. В то же время - у студёной реки - это у реки жизни: быстрой и порой жёсткой, отрезвляющей и прекрасной в своём стремительном течении. когда за каждым новым изгибом реки - поворотом судьбы ждёшь чуда...В сборнике приведены работы, появившиеся как результат зеркального отражения мира, когда увиденное и еще не до конца познанное многократно преобразуется, обогащается воображением и, наконец, выстраивается в свой замысловатый ряд. А жизнь, как и шумливая река не стоят на месте.

ISBN 978-5-532-11321-3

© Нескоромных В. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

У СТУДЁНОЙ РЕКИ	5
БУЛЬ И УСАЛА	24
ЧУДОЯРВИ	39
ФЕДЯ-БАЙКЕР	44
ИВАКАК ПАНАЛЫК – ИЩУЩИЙ С КОПЬЁМ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Нескоромных

У студёной реки

У СТУДЁНОЙ РЕКИ

Молодой человек стоял на краю огромного сооружения – плотины ГЭС, перегородившей ущелье многомиллионными кубами бетонного конгломерата. Под ногами сложной изломанной жизнью жила река – могучий Енисей втягивался плавно в створы плотины с одной стороны и выскакивал как ошпаренный и обезумевший от боли многоликий зверь с другой. Грохот многих сотен тысяч, миллионов тонн воды – непрерывный и могучий, как вой вепря, совершенно несравнимый, с чем либо, давил на сознание, вызывал и восхищение, и невольно подступающий ужас. Плотина только строилась, перегородив одно из ущелий Западного Саяна, и до её пуска было около полугода, о чем свидетельствовала гигантская, несколько метров высотой, надпись, вывешенная прямо на скале:

«До пуска ГЭС осталось 156 дней», но казалось, что построить плотину за время, отведённое заранее, не представляется возможным, столько вокруг строительства и самой плотины было всего временного, неухоженного, шаткого.

Плакат висел на скале, на многометровой высоте и было непонятно, как менялись ежедневно цифры в раме, напоминающей стадионное табло у футбольного поля в районном городишке, по мере убывания срока наступающего события – пуска ГЭС. Но оглаживая гигантскую бетонную плотину и нагромождение строительного железа вокруг, невероятные масштабы строительного процесса, перестаёшь удивляться такое мелочи, как трудность замены цифры на скале или отсутствию надежных ограждений на самом краю строящегося гигантского сооружения.

Студенту Статиславу со спутником, – штатным геологом партии, следовало преодолеть высоченную плотину по шатким лестницам и далее следовать в полевую геологическую партию на берегу таёжной реки, впадающей в Енисей выше по течению.

Река та, звалась гордо, – Кантегир.

На обратной стороне плотины у деревянного причала уже ждала путников длинная, узкая, элегантная своими плавными обводами и с загнутым дерзко вверх носом, смолёная дочерна лодка.

Савич, так величали хозяина лодки, был из местных. Слыл лодочник и охотник знатком шумных студёных рек, спускавшихся к Енисею стремительными потоками с крутых склонов Саян, преодолевая многочисленные перекаты и «трубы-дудки», – узкие, как горловина каменного кувшина, места в русле реки. Беснующаяся вода несла дикую неукротимую энергию молодых гор, стремительно отплясывала на отмелях, буравя водоворотами скалистые берега и двигая камни, непрерывно что-то перестраивая и совершенствуя в конструкции русла.

Река была полна рыбы – ленками, тайменями, но в основном хариусами, натренированными быстрыми и студеными реками до такого физического совершенства, что пойманного пятнистого красавца невозможно было удержать в руках, так он бился, демонстрируя неукротимую мощь изящных форм и жажду свободы.

Вновь прибывшие, живо расселись в лодке. Савич, добродушно оглядел пассажиров и, кивнув крупной головой, как бы соглашаясь сам с собою, оттолкнул нагретый солнцем причал жилистой и сухой рукой. Лодка легко пошла по воде, а отчалив от мостков, Савич запустил мотор. Лодка сразу без раскочки стремительно пошла против течения, и в разговоре выяснилось, что лодочник теперь здесь на реке самый ходовой хозяин и мастер. Самым ходовым

Савич стал после того, как отчаянный и неведомый пассажирам лодки Дедюхин не вернулся из тайги, а его разбитую лодку обнаружили через пару недель за третьим порогом свирепого Кантегира. Тело самого Дедюхина не нашли, но в том месте на берегу, где обнаружили лодку, соорудили высокий лиственничный крест, который так и стал зваться «дедюхинский». Также теперь называли и порог на реке – мало кому поддающийся при подъёме против течения реки третий порог Кантегира.

Дедюхин был и остался личностью, почитаемой местными рыбаками и охотниками и после гибели, а, учитывая его былые свершения, уже стал человеком-легендой. Из уст в уста передавалось предание о том, что Дедюхин всегда сам строил лодки, знал из чего и как их делать, ведал секретами ремесла и его лодки были лучшими в округе по своим ходовым качествам.

Савич, постукивая по борту своей лодки широкой ладонью, подчеркнул, – строил сам, но под приглядом Дедюхина. Подобная аттестация была лучшей рекомендацией лодке. Дедюхиным была построена добрая половина местных лодок, а другие более или менее удачно скопированы с его творений. Личная лодка Дедюхина, тем не менее, оставалась вне конкуренции – столько в неё было вложено труда и таланта мастера. Обводы лодки были идеальны: симметричны и обтекаемы, а возможности удивительны: лодка прекрасно держала поток и волну, была устойчива, вместительна, легка в управлении и прочна. От лодки в этих таежных горных местах зависело не то, что многое, – зависело в тайге на реке всё, ибо иной, кроме сноровистой реки, дороги среди молодых Саянских гор не было. Быстрые студёные потоки тестировали суденышки жестоко. Например, закупленные геологической партией неплохие для равнинной реки дюралевые «Казанки» в здешних местах не могли подняться по Кантегиру и пары километров, и в первом же скоростном потоке встали, натужно ревя мотором. Более мощные моторы спасали мало – в первой же дудке – узкой стремнине, «Казанку», при попытке пройти поток, снесло вниз, а затем нещадно раскрутило водоворотом.

Савича был заметным лодочником: несколько раз ходил за второй «чумной», как говорил сам Савич, порог, а третий преодолел только дважды, но по доброй воде, когда основные речушки и ручейки Саянских гор несколько мелели и поили свирепую реку умеренными дозами, что несколько успокаивало строптивую воду.

Теперь, оказавшись на службе в партии, и зная досконально здешние места, Савич доставлял новых сотрудников на место дислокации геологической сезонной партии экспедиции «Байкалкварцсамоцветы», штатного геолога Михаила и студента Стаса, прибывшего на практику. Михаил вернулся из отпуска и прибыл в партию, которая с весны разместилась в Саянах для поисков коренного месторождения нефрита, а также для изучения и отработки найденного в этих местах месторождения жадеита. Это всё были породы ценных ювелирно-поделочных камней, что зарождались в гипербазитовых массивах Саянских гор. На реке геологами были обнаружены валуны нефрита: окатанные рекой огромные камни лежали у воды, подобно смоляным тушам грузных морских зверей – сивучей и моржей, лоснясь на солнце. Главной же задачей геологов был поиск коренного месторождения этого ценного ювелирно-поделочного камня. Интерес представляло и небольшое проявление жадеита, которое острой скалой выпирало среди тайги на склоне горы, словно прорезавшийся зуб неведомого гиганта. В скале торчащего из земли серпентинита в виде ярких очагов зеленел астраханскими арбузами ядовито травянистый жадеит, – редкий поделочный камень, который при определенных генетических качествах мог быть оценен не ниже изумруда, если получал оценку на уровне империал.

Теперь поднимаясь по реке, пока только по плавному в своем течении Енисею, пассажиры осматривали берега могучей реки зажатой тесниной гор, вглядывались в скалистые берега и стройные ряды кедров, лиственниц, елей и пихт.

– Зверья, тут – уйма! – прервал молчание, предварительно хлебнув из фляжки, Савич.

– Здесь начинается заповедник, – а в нём обитает непуганый и никем не считанный зверь. Бывало, пойдешь на охоту – ходишь, ходишь – пусто. А сюда на полянку заповедную зайдешь как бы невзначай и быстренько «бах, бах!» – и готово! Тут тебе и соболь, и белка, лисица, и изюбрь на сковородку, – продолжал рассказ Савич.

– Ну, вот он, – Кантегир! – восхищенно и с нотками тревоги в голосе воскликнул лодочник, поворачивая лодку вправо в створ открывшегося взорам устья реки, стремительно вливающейся чистейшим потоком в мутноватые воды Енисея из скалистого разлома с крутыми скалистыми стенами.

Отмечая торжественность момента, Савич снова отхлебнул из фляжки и ещё более потеплевшими глазами осмотрел пассажиров, которые ранее наслушавшись рассказов о свирепой реке, попритихли.

– Не бойсь – служивые! Река не даст потонуть – все равно на берег высадит – проверено, – закончил Савич, хитро ухмыляясь и думая о том, что конечно на берег-то высадит, только это может оказаться нешуточным испытанием. Но пока всё шло без особого напряжения, только мотор стал гудеть более натужно, преодолевая теперь стремнину сноровистого притока, да временами брызги вылетали из-под носа лодки и мелкой прозрачной и холодной пургой обдавали плывущих.

– Щас будет «дудка»! Не дрефить! Эту шаловливую стервозу я проскакиваю на ура! – как-то резко повеселев, уже несколько хвастливо и даже заносчиво, провозгласил лодочник. Тем не менее, в голосе и движениях опытного таёжника ощущалась нарастающая неуверенность.

Впереди открылся узкий проход между вертикальной и нависающей стеной справа и невысокой, также вертикальной и плоской поверху стеной берега слева. Проход был чрезвычайно узок – весь объём воды на данном участке собирался в теснине размером в десятки раз меньшем, чем ширина русла, а от этого река в узком горле разгонялась невероятно – просто выстреливала из «дудки». Вода стремительно летела навстречу лодке, сваливаясь яростным и могучим потоком, словно выгнувшийся спиной стремительный в порыве зверь. Уже не было слышно и мотора, только рёв воды давил и рвал ушные перепонки, когда нос лодки ткнулся в упругий невероятно плотный живой поток, как в стену и стал продвигаться вперёд и вверх рывками, копя энергию, с остановками на пару, тройку мгновений. Скорость движения лодки была так мала, что её можно было оценить, только уперев взгляд в едва продвигающуюся вдоль ползущей вверх посудыны вертикальную стену скалы. Стало тревожно и все, за исключением Савича, смотрели, несколько унимая беспокойство, на эту стену, изучая неволью изгибы трещин и минеральных прожилков на ней. Савич же цепко глядел вперёд, удерживая строго одной рукой мотор, а второй вцепившись в борт лодки. Десяток метров узкой «дудки» преодолевали пару минут, которые показались бесконечными, изъятыми из жизненного цикла.

Но всё заканчивается рано или поздно, закончилось и восхождение через «горлышко» Кантегира и снова открылась панорама реки – крутой её берег справа и заваленный каменными глыбами пологий левый. А вокруг стояла густая тайга – и справа и слева, уходившая резко вверх по склонам молодых островерхих Саянских гор. Савич, отметивший проход «дудки» новой порцией из заветного сосуда, лихо вёл свою лодку вперёд, что вальсировала теперь между валунов, демонстрируя высокий уровень управляемости. После преодоления «дудки» сразу стало тише, и лодочник поделился, что по реке можно ходить только в эту пору. Весной и в начале лета, когда много воды и более простые места проходить невозможно. То же самое и в дожди: река вздувается в верховье стремительно.

– Ох! Сколько здесь народу осталось в такие-то времена! Плохо ходить по реке и когда засуха. Тогда река мелеет и много камней вылезает из-под воды, – продолжил свой рассказ о реке Савич.

Подходили к первому порогу Кантегира. Савич посерьезнел и, причалив к левому полному берегу, приказал:

– Все из лодки марш на выход! Вещи свои возьмите. Если, что – лагерь партии в паре километров по берегу. А пока идите вон к тому плёсу, там я вас подберу после порога.

Идти берегом нужно было метров пятьсот. Шли тропой по камням и зарослям, обходя скопления воды и огромные валуны. На реке в один из моментов была видна лодка с Савичем, которая затем скрылась из глаз за скалой. Река кипела и кидалась на торчащие из дна камни и обломки скал. Водовороты кружили опасную кадрили, переходя мгновенно на быструю чечётку, энергичный гопак, канкан и краковяк. Между этими противоречивыми потоками нужно было проскользнуть, особенно не противореча, но и не поддаваясь напору, уходя от прямого столкновения и оставаясь на плаву, выныривая иногда чуть ли не со дна реки, следуя турбулентности стремительной воды. Изредка лодку так кидало вниз, что она продавлила воду и стучалась килем о камни дна. Это было крайне опасно, но на сей раз, всё прошло удачно: Савич причалил выше по течению, уже за порогом, раньше подошедших и взмокших под поклажей своих пассажиров и деланно равнодушно оглядел их. Все расселись по местам, и лодка вновь пошла вверх, за тем, чтобы причалить уже на песчаном и каменистом плёсе у лагеря полевой партии, расположившейся у студёной реки и на дне будущего моря-водохранилища, которое будет собрано огромной плотиной, перегоротившей Енисей.

Весь лагерь, – десяток вместительных палаток, сколоченный навес над костровищем и длинный обеденный стол, собранный из жердей и досок, да склад взрывчатых материалов в достаточном отдалении от палаток, раскинулся у реки среди леса.

Прибывших встретил инженер партии Виктор – средних лет студент-заочник, спортсмен-лыжник и просто хваткий, энергичный малый, который и вершил в отсутствие начальника партии Сергея Николаевича все дела. Особенно получались у Виктора дела хозяйские. Начальник снова отсутствовал, и дела в партии шли сложившимся порядком. Правда при этом партия не выполняла план по горным работам, добыче и вывозке нефрита, и геологическим маршрутам. Тем не менее, Виктор был весел, лучился лукавой улыбкой и походил обликом на всё понимающую и многое предчувствующую наперёд собаку. Образ собаки подсказывало выражение лица и фигура Виктора – смотрел пристально, как бы принохиваясь и, казалось, вот-вот начнет помахивать несуществующим хвостом. Оглядев мельком прибывших в партию по реке Михаила и Стаса, Виктор направил студента располагаться в лагере.

Решив этот незатейливый вопрос, Виктор подошёл к Савичу и стал его что-то вкрадчиво выпрашивать, торопливо перекидывать что-то из сумки к себе в мешок, вновь и вновь настоятельно давая наставления лодочнику: Савич должен был вернуться завтра поутру назад.

– Опять что-то крамчит, вот поросячий вертлявый хвост! – вполголоса сказал Игнатич – пятидесятилетний сезонный рабочий, призванный в партию по зову беспокойного сердца и исстрадавшейся за зиму печени. Поздней осенью, зимой и ранней весной Игнатич работал в городе в кочегарке, в которой часто и проживал, гонимый из дому сварливой и вечно раздраженной женой. За зиму, бывало выпито немало водочки, сивухи и часто всяких аптечных растворов и настоек. Измученный за зиму по весне Игнатич срывался с места, собирался в дорогу и здесь вдали от цивилизации, придуманных ею магазинов и ресторанов, вынужден был отдыхать в режиме «сухого закона», чему был в тайне несказанно рад. Организм, правда, поначалу бунтовал, но после третьей поездки Игнатича «в поле», обвыкся и смирился с резкой сменой характера энергетической подпитки. Здесь в партии Игнатич вновь округлился, порозовел и смотрелся молодцом и уже стал нешуточно заглядываться на повариху. А сидя у потрескивающего костра после работы и добротного ужина Игнатич с некоторым недоумением теперь вспоминал темный закопченный подвал кочегарки и привычную поутру кружку суррогатного напитка и чефир долгими вечерами.

– Да, что, там не ясного то? Водку видимо привёз Савич для Виктора. А еще сказывают, получили какой-то дефицитный инвентарь – вот и прибирает, – вставил, внимательно приглядывающийся за Виктором, Гриша взрывник.

– Куда ему водка, он же, как будто не пьёт, – подивился Игнатич, с тоской вспомнив, как блаженно растекается по жилам тепло, дурманит голову и резко веселит сердце первая выпитая стопка.

– Куда? Да он к охотникам на заимку бегают, – думаешь зря? Ему что, лосю, пары десятков километров не пробежать? А оттуда он, сказывают, таскает что-то. Меняет видимо на водяру жратву и прочие ценные в тайге вещицы. Шкурки может? Но какие летом шкурки? – отреагировал Сергей, – друг Гриши.

– Да, думаю, моют мужики там золотишко. В этих местах остались, сказывают и старые шурфы, и отвалы от золотодобычи, а значит и золото есть. Вроде как на охоте мужички, а сами роют, моют, отстирывают золотце земное, – подытожил, ухмыльнувшись, Григорий.

Студент быстро устроился в выделенной ему палатке, расстелив спальник на топчане, и вышел снова к реке. Водный поток летел мимо курьерским поездом, демонстрируя полное равнодушие к мирским проблемам временно поселившихся на берегу людей. От реки веяло прохладой, а неукротимая энергия воды питала бодростью.

Подошёл Виктор, и лукаво улыбаясь, сообщил, что завтра с утра Станислав должен пойти в маршрут с Мишей, а подбросит их к месту исходной точки предстоящего маршрута Савич на своей лодке, поскольку ему по пути.

Утром долго не собираясь, – маршрут планировался всего-то двухдневный, Савич, Миша и Стас отправились в обратный путь по реке, теперь сплавляясь вниз. Лодка шла без мотора, бесшумно лавируя между камней. Река уже не казалась такой страшной, – все же сплавляться по течению было более безопасно. В очередной раз, выныривая из-за изгиба реки, на берегу были застигнуты местные жители – огромная медведица, медведь пестун и пара совсем ещё маленьких медвежат. Семейка возилась у воды и, не замечая в грохоте перекаатов реки плывущей лодки, сосредоточенно решала свои медвежьи проблемы.

Савич привычный к тайге не обращал внимания на зверей. Стас с большим интересом рассматривал таёжных жителей, жалея, что нет с собой фотоаппарата.

Флегматичный тихоня Михаил, всю дорогу сосредоточенно о чём-то думавший, вдруг проявил непонятно откуда взявшуюся агрессивность и, выхватив из кобуры на поясе свой револьвер, стал палить в сторону зверья.

– Ты, что, мать твою! Тут до них метров около сорока, а твоя пукалка не бьёт и на двадцать. Поранишь зверя, мучиться будет – вот и вся твоя охота! Брось немедленно, сказал! – заругался на геолога Савич.

Мишка в азарте пульнул еще разок и довольный, спрятал револьвер.

Взрослые медведи, завидев лодку и людей, напуганные выстрелами, кинулись с берега к лесу и только медвежата, запутавшись в камнях, носились вокруг валуна, не находя дороги к лесу. Мамаша, оценив угрозу цепким взглядом на плывущую лодку с людьми, вернулась от кромки леса назад, быстро и решительно настроила малышам верный курс, отвесив лапой каждому достаточную порцию «ускорителя».

Михаил, после такого проявления своей человеческой сути, для Стаса стал уже Михой – как-то сразу поубавилось уважения. Более близкое знакомство выявило некоторую несерьёзность, которую подчеркивал и достаточно нелепый внешний вид. Неказистый, нескладный, в очках с толстенными линзами Миха не производил впечатления серьезного ответственного человека, а выходка с револьвером проявила его душевную незрелость.

К полдню спустились по Кантегиру к Енисею, и Савич причалил тут же к берегу, где и сварили чай, перекусили. Лодочник попрощался и отчалил, – отправился вниз к плотине, оставив Миху и Стаса на берегу в начальной точке запланированного для них маршрута.

Маршрут пролегал по вершине хребта, тянувшегося вдоль Кантегира, и должен был закончиться у полевого лагеря: следовало выявить возможные выходы на поверхность массивов гипербазитов, в которых мог находиться нефрит. Отправились в путь, следуя звериной

тропой, и вскоре поднялись на вершину хребта и двинулись вдоль него, осматривая торчащие из заросшего склона скальники, определяя элементы залегания пород, отбивая молотком образцы, нумеруя их и занося места отбора проб в полевой геологический дневник. Работа спорилась, а главное идти было легко – на вершине не было завалов деревьев, и было достаточно просторно среди редколесного ельничка. Гребень хребта отлично продувался, и геологов совсем не беспокоили комары и мошка.

В один из рабочих моментов Стас вдруг почувствовал чьё-то присутствие. Оглядевшись, он увидел вдруг огромного медведя, который неспешно следовал вдоль склона противоположного хребта. Геологов и медведя разделял распадок – глубокий и узкий, так что явной угрозы не было, но до медведя было менее ста метров – расстояние между двумя склонами по прямой.

– Миха, смотри, твой не дострелянный медведь пришел разобратся за твои дурацкие выстрелы, – пошутил Стас, показывая геологу на медведя.

Шутка произвела обратное действие: Миха испугался – побелел, выкатил глаза, которые за толстенными линзами очков казались теперь просто лягушечьими, и по обыкновению нервно потянулся к нагану.

– Брось, он же далеко, что ты испугался, – попытался успокоить Миху Стас.

Теперь работа шла уже не так складно. Миха нервничал, постоянно оглядывался, высматривая глазами среди деревьев медведя. А тот деловито следовал параллельным курсом, контролируя перемещение людей на границе своих владений.

– Миша, это он охраняет свою территорию. Видимо граница его участка проходит вдоль этого ущелья. Если попытаться к нему подойти, тогда зверь, наверное, может и напасть. А так всё вполне безопасно, – попытался объяснить ситуацию геологу Стас.

На Миху эти слова впечатления не производили – он был не на шутку испуган и теперь постоянно причитал, перебирая рассказы и реальные случаи из обширной таёжной летописи про медвежьих проказы.

Устроили очередной привал и Станислав, от избытка молодых сил и впечатлений, рванулся посмотреть окрестности и с другой стороны хребта. Обойдя местность, крутанувшись, обойдя вершину скалы, Стас направился назад к Михе. Подходя к месту привала, студент вдруг увидел геолога, затаившегося за стволом сосны: Миха целился из нагана в Стаса, и было видно, что он не видит пустыми от ужаса глазами, что перед ним его напарник в маршруте. Стас замер, нервно хохотнул и, уставившись на геолога, спросил:

– Ты, чего? Совсем обезумел?

Только теперь геолог осознал, что перед ним его партнер по маршруту и в изнеможении опустился на траву возле дерева.

– Я подумал – медведь прёт на меня, – выдохнул Миха.

– Вот так пристрелишь будущего геолога в его первом маршруте – будет очень смешно, – только и сумел как-то отшутиться Стас.

К полдню следующего дня, проведя ночь в тайге у костра, Миха и Стас подходили к лагерю по вершине хребта и оставалось только спуститься вниз к реке. Тропа проходила через те места, где велись горные и в том числе взрывные работы по прокладке поисковых канав. Вчера они слышали два взрыва – видимо мужики рыхлили грунт под очередную канаву. Деревья – высоченные сосны и кедры вокруг места работ стояли посеченные камнями. В стволах торчали поразившие их каменные осколки, а у многих деревьев были отломаны вершины. Лес стоял изломанный и опустошенный: птицы и зверье покинули теперь очень небезопасное для них место. Кусты, трава и мох под деревьями были придавлены россыпью камней и выброшенной при взрыве землей.

– Бо-о-о-о-с-я! Бо-о-о-о-с-я! – послышался снизу далекий, едва слышимый голос. Крик еще раз повторился, и всё затихло.

Студент и Миха, с натруженными за день ногами и спинами, спешили в лагерь, предчувствуя привал, хороший обед и отдых. Вдруг гору основательно встряхнуло, донесся вначале звук лопнувшего на куски воздуха, а вслед за ним раздался свист, и сверху посыпались камни. Камни, поднятые в воздух взрывом, падали в основном ниже по склону, секли деревья, довершая дикий погром, прошивали мох и кустарник, сшибали сучья, рикошетили от стволов и, резко меняя направление, ударяли сбоку, срубая малые стволы и калеча крупные. Стас с Михой прижались к ближним стволам сосен и с ужасом ждали, затаившись, что сейчас рубанет камнями и по ним. Где-то, совсем рядом, раздался страшной силы удар о ствол дерева, потом ещё, ещё, ... и всё стихло, наконец.

Оправившись от потрясения, Станислав и Миха стояли теперь в нерешительности. Что было делать: идти вниз или вернуться назад, – а вдруг снова будут взрывать? Решив, тем не менее, что видимо пока взрывать не будут, стали спускаться вниз, осторожничая и тщательно прислушиваясь.

Вскоре Стас и Миха вышли к месту работ и увидели возле развороченной взрывом земли группу рабочих: Гришу-взрывника, Сергея, Игнатича и других уже известных Станиславу персонажей. Все они стояли у края образованной взрывом канавы и слушали наставления юной русоволосой особы, с короткой стрижкой, в штормовке, защитного цвета брюках с полевой сумкой через плечо. Симпатичное, еще детское лицо девушки было сосредоточено-серьёзно, бровки нахмурены. Девушка обстоятельно объясняла рабочим, как следует правильно подчистить дно канавы для проведения необходимых работ по отбору проб, определению элементов залегания горных пород и зарисовки пластов на отвесных бортах этой незатейливой горной выработки. Рабочие слушали, иногда пытаясь пошутить над юной особой и как-то умерить её усердие, но это только подзадоривало геологиню и, раскрасневшись, она начинала снова в деталях объяснять важность предстоящей работы. Наконец она закончила и все обратили внимание на подошедших Мишку и Стаса.

– А вы откуда? Мы же здесь взрывали, а вы где были? И ждали мы вас к вечеру, – возмущенно спросил Мишу Гриша-взрывник.

– А мы откуда знали? Идем – ба-ба-бах! И камни градом! По деревьям, по стволам, так и бьют, – ответил Мишка, вновь переживая ужас камнепада и тараща глаза за стеклами очков. Оба выглядели крайне растерянными, и стало ясно, что и Гриша и Миха оценивают произошедшее событие, но каждый думает о своем: Миха о том, что, слава Богу! – остался жив и невредим, а Гриша подумал о том, что, если бы с геологом и студентом случилась беда, ему сидеть в «казенном доме» долго и основательно, ведь надлежащих мер безопасности он не исполнил.

– Я же кричал – бойся! Вы что не слышали? – пытался оправдаться Гриша.

– Что-то слышали, но не подумали, что это про взрыв, – нелепо пожал плечами Миха.

Студент, пережив уже дважды за маршрут смертельную опасность и сняв по дороге с себя нескольких клещей, пара из которых все же успела попробовать его крови, понял – со здешними ребятами нужно держать ухо востро, иначе с практики в институт можно и вовсе не вернуться. Но эти тревожные мысли легко покинули его голову, так как всё его внимание было теперь направлено на юную особу, которая уже выбралась с помощью Игнатича, подавшего ей галантно руку, из канавы. Девушка стояла теперь возле рабочих, продолжая распекать их за то, что взрывом они повредили много поделочного камня, который теперь не годится для изготовления крупных изделий.

Оглядев вновь прибывших, девушка вновь обратилась к взрывнику:

– Как так? Ведь существует система сигналов при взрывных работах, и нужно было оцепить район взрывных работ. Ведь мог случиться несчастный случай!

– Блин! В тайге за сотню километров от ближайшего поселения ставить ограждения, флажки, делать предупредительные сигналы?! – неподдельно искренне возмутился Гриша,

давая понять, что нелепость услышанного от геолога просто не укладывается ни в какие смысловые понятия.

– И, тем не менее, существуют правила! Вот, например, и блиндаж для проведения взрыва у вас плохо оборудован, – снова «уколола» Григория девушка.

Григорий сник. Да, он отлично понимал, что допустил нарушения и последний случай показал, что он был в шаге от серьёзных последствий из-за своих плохо исполненных обязанностей.

Девушка была невелика росточком, но крепенькая и ладная. Круглое загорелое лицо Наташи дышало свежестью, носик дерзко вздернут, а прекрасные губы были готовы мгновенно расцвести в обворожительную улыбку, обнажая белые ровные зубки. Глаза у Наташи то же не подкачали – голубые, открытые миру глаза ещё сияли полные надежд на ожидавшее её счастье. Полевая одежда на Наташе сидела очень элегантно, но среди взрослых дяденек, и это было заметно, она чувствовала неловкость.

– Ладно, Наташа, пойдемте уже обедать. Мы все поняли, – ответил геологу бригадир горняков Степан Ильич, пытаясь сгладить неприятную тему.

– Всё будет в полном порядке, – закончил бригадир, придавая голосу интонации вкрадчивые и успокаивающие, как бы адресованные ребёнку, почувствовав, что Наташа пытается вновь возразить и вернуться к волнующему её вопросу качества выполняемой горняками работы.

Наташа, мельком оглядела Стаса, кивнула Мишке, и пошла вниз по тропе, а студент стал выпрашивать напарника о девушке.

– Наташа – геолог: закончила техникум в прошлом году. Видимо приехала после нашего отъезда и сразу пришла на объект.

– Старается, – деловито оценил усилия Наташи Михаил, не замечая повышенного интереса Стаса к Наташе.

В лагерь они вернулись втроем – Наташа, Михаил и Студент, выпив по кружке чая на бивуаке у горняков. Говорили в основном Михаил и Наташа: обсуждали новости в экспедиции, что базировалась в городе и вела работы в разных районах сибирского региона. Выяснилось, что Наташа приехала вчера к вечеру, и Виктор определил её работать с горняками, наказав ускорить работу и добиться качественного опробования.

Наташа за работу взялась неистово, как может только молодой, начинающий свой трудовой путь специалист:

– Столько брака в работе, почему рабочих никто не контролирует? Совершенно не знают они основ своей работы. А безопасность? Вы вот сами чуть не погибли, – сокрушалась девушка и, оглядев Стаса и Мишу, даже немного всхлипнула от избытка досады.

– Эта работа числится за Виктором. А ему видимо некогда, другими занят делами, – ответил ей Михаил, стараясь снисходительно и миролюбиво унять претензии молодого геолога.

Так за разговорами дошли до лагеря по узкой натопанной тропе. И потекли деньки, наполненные хлопотами, на берегу студеной реки. С утра или маршрут, или работа на «горе» – так называли работу с горняками у скалы с жадеитом, а вечером купание в быстром Кантегире и рыбалка. Купанием, впрочем, отчаянное погружение в ледяную воду и бестолковое против течения взмахивание руками, назвать можно было только условно, если под купанием понимать отдых на пляже. Но бодрило замечательно, силы нарастали снова горой, и казалось, что после такого занятия можно снова в маршрут по тайге, по буреломам и горным кручам.

Вместе с Наташей в партию прибыл еще один студент – Пашка. Пашка учился в техникуме и приехал на первую свою геологическую практику. К удовольствию Стаса вновь прибывший был приставлен к нему в качестве маршрутного рабочего, и теперь они бегали по горам вместе, выискивая спрятанные под завалами деревьев, травой и мхом неведомые пока им гипербазиты. Вечерами у костра за чаем велись долгие беседы, и казалось, – лучше этих вечеров и быть ничего не может на белом свете. Особенно, бывало, интересно, когда на огонёк

к берегу причаливали гости. Это могли быть лесники и охотники, рыбаки. Гостей угощали и расспрашивали дотошно, пытаясь утолить информационный голод малочисленного и уже давно заброшенного в тайгу коллектива. За этими беседами Стасу удалось услышать много различных забавных и поучительных историй, познакомиться со многими самобытными людьми таёжного края.

Между тем жизнь кипела и на реке. Оказалось, что Кантегир река сплавная высокой категории и иногда по ней вниз проплывали спортсмены и туристы на надувных плотках, отчаянно орудуя вёслами, преодолевая пороги и отмели стремительной реки. Мимо геологов проносилась на плотках совершенно иная жизнь, казалось, яркая и отчаянная. Риска действительно хватало, хватало и работы на реке. Савич, прибыв в очередной раз в партию, поведал, что было уже дважды – пройдя всю реку и измотавшись, спортсмены на плотках устало засыпали при выходе на относительно спокойные воды Енисея и, не заметив в темноте плотины, оказывались втянутыми в стремительный поток сбрасываемой через плотину воды. Тела находили уже за плотиной в нескольких километрах по течению – искромсанные и перемолотые диким потоком. Вот так порой гибли самые активные и отчаянные, совершенно без какой-либо всякой на то необходимости и веской причины, преодолев пороги сноровистой реки и потеряв боевой настрой.

Стас и Наташа познакомились ближе, ощутили они вдруг тонкую ниточку, которая связывала их неведомой силою. Теперь расставаясь, когда каждый уходил на свой участок работы, скучали и спешили в лагерь, чтобы увидеться и спросить: «Как дела? Что нового и интересного было сегодня?». Если было время, то уходили вверх по течению реки и на берегу, на огромном удобном камне, просиживали часами и говорили, говорили. Разговоры сменились робкими касаниями, за тем объятиями, поцелуями. Голова летела по кругу, и мир вокруг казался добрым, правильным и очень понятным.

Июль закончил свой счет дней, наступил август, и выяснилось, что лагерь расположен в огромном малиннике. Об этом, конечно, знали и раньше, но не подумали о возможных проблемах. Как только поспела ягода, а её здесь нынче оказалось огромное количество, в малинник стали захаживать медведи.

Бедная кобыла Дарья, приставленная к взрывнику Грише для перевозки взрывчатки на «гору», чуяла присутствие зверя, исходилась в нервическом ржании, дыбилась, пучила глаза и ноздри, выдыхая с шумом горячий и влажный воздух, всем видом выказывая своё возмущение и страх.

Теперь стали аккуратно ходить в туалет, по тропам к реке, на «гору» и к складу, с оглядкой и в отчаянии порой махнув рукой на собственную судьбу, если нужно было выходить из палатки ночью. Кто-то постоянно замечал следы, кто-то видел самого хозяина. На тропе, ведущей на гору, были отмечены развороченные муравейники, ободранные стволы и свеженькое медвежье «наследство» – кашки, оставленные людям как документ с печатью, утверждавший факт присутствия хозяина здешних мест.

В один из дней ожидался приезд крупной делегации, которую сопровождал начальник партии. Ждали по воде, но ясным днём вдруг застрекотало и металлическая стрекоза, отчаянно вращая винтами, зависла над рекой, выискивая место для посадки. Винтокрылая машина, наконец, села, винты уже провисли, делая последние вялые обороты, когда из кабины высунулся пилот Серёга Санин. Сергей, – молодой, весёлый парень, огляделся, отмечая встречающих, а затем, спрыгнув на землю, потянулся, и с криком:

– Здорово, пехота! Форма одежды номер пять – трусы, ботинки – марш строится! – лётчик подскочил к Виктору и, обхватив, стал мять и тормошить инженера от избытка чувств, разминая затекшее в полете молодое тело.

На Серёге были действительно ботинки, форменная рубаха пилота с узким черным галстуком и свободного покроя синие «семейные» трусы.

Следуя за пилотом, из вертолётa вышел начальник партии, а затем, в высшей степени степенно и осторожно ступая, спустился по лесенке грузный крупный мужик с красным лицом, коротко стриженный под «ёжика». Тяжёлый взгляд из-под лба огромного черепа выдавал в нем человека тяжелого характера и что называется «себе на уме». За ними вышли ещё двое, как оказалось, помощников и выволокли пару крупных мешков и картонный ящик, в котором предательски и призывно позвякивало.

Крупного мужика представил Сергей Николаевич:

– Знакомьтесь – секретарь местного райисполкома Николай Петрович! Интересуется, что мы здесь нашли и главное, что ещё хотим найти. Так, Николай Петрович? – в голосе начальник партии прозвучали заискивающие нотки.

Но секретарь ответить не соизволил, а критически оглядев разношерстную компанию, и видимо уже сделав определенные, и неутешительные для присутствующих выводы, многозначительно изрек:

– Ну, поглядим, какие вы тут богатства роете. Или закапываете?

Последнюю часть фразы Секретарь произнёс, искоса критически осмотрев Игнатича.

Игнатич выглядел живописно: в армейском выцветшем галифе, начищенных кирзачах, меховой безрукавке на голом теле и в широкополой шляпе экзотического покроя рабочий чем-то походил на «гарного хлопца» из «вильной» армии анархистов батьки Махно.

Другие, подошедшие встретить гостей, – горняки и геологи, также выглядели достаточно неформально. Сергей с огромной копной вьющихся рыжих волос на голове и лихими усами очень походил на зарубежного исполнителя популярной музыки, а Пашка, со своей до плеч прической «свободного кроя» и редкой бороденкой юнца – на хиппи.

Прошли в лагерь, и смущенный Сергей Николаевич, мужик тоже не мелкого телосложения с порядочным животиком, тем не менее шустренько нырнул в свою командирскую палатку, выделяющуюся из общего ряда наличием высокой радиоантенны и ладно сколоченного основания из досок. Из палатки начальник партии извлёк огромный камень и направился к секретарю, который по-хозяйски уже расселся за столом, дул в кружку с чаем и поедал великолепную отборную малину, выставленную на стол для гостей поварихой Валентиной.

Сергей Николаевич стал показывать секретарю принесённый образец.

– Вот смотрите, это контакт нефрита и гипербазита. Этот образец уникальный. Здесь видно, в каких породах и как формируется нефрит. По этому образцу мы и будем искать коренное месторождение этого ценного поделочного камня. Это знаете, как отпечатки пальцев у криминалистов. Скоро все станет ясно: где залегает нефрит, – волнуясь, увлеченно и несколько подобострастно излагал Сергей Николаевич.

Вслед за образцом начальник партии стал раскладывать обширную геологическую карту, пытаясь с ходу показать наиболее перспективные для поиска места.

Но секретарь был непрост. Он отстранил карту и осадил напиравшего начальника партии вопросом:

– Ну и почему до сей поры не нашли, коли такой «вещдок» уникальный имеется?

– Да знаете, Николай Петрович, участок работ огромный и других забот полно. И горные работы, и нефрит нужно вывозить, а то затопят русло реки – всё останется под водой. Это очень отвлекает. Я попросил прислать геологов дополнительно – вот прислали двоих из экспедиции, ещё студенты помогают, – оправдывался Сергей Николаевич.

– Эти-то, лоботрясы – студенты, что-то хоть понимают? А то учит их, учит государство – всё без толку, – пробурчал секретарь, оглядев критически обросшего за месяц редкой и пушистой бороденкой Студента, стоявшего рядом Пашку и давая понять, что разговор пора прекращать и заняться более достойными делами.

Вскоре выяснилось, что гости привезли новость: у инженера Виктора – зама Сергея Николаевича, родилась дочь.

К вечеру два великих события – приезд высокого гостя и пополнение семьи инженера, решено было отметить. Виктор выставил на стол несколько бутылок водки, выдав, таким образом, валюту своего тайного промысла и разрешая горнякам отступить от правила «сухого» полевого сезона.

Секретарь, уже изрядно отметив приезд в компании начальника партии и своих помощников, раскрепощенный мыслями и готовый раскрепощаться дальше, присоединился к горнякам и геологам, демонстрируя своё глубоко пролетарское происхождение и выросшее на должности самомнение. Теперь, несколько освоившись, он сыпал достаточно грубыми шутками, недвусмысленно поглядывал на женщин: то на повариху Валентину – жену бригадира горняков, то на Наташу, то на прибывшую в партию на днях москвичку Эльвиру, собирающую материал о месторождениях поделочных камней в свою кандидатскую диссертацию.

Под водочку заговорили о медведях. Тема не сходила с уст: собравшиеся у костра горняки травили байки из жизни местных охотников.

Сергей Николаевич, продолжая играть роль гостеприимного хозяина, одарил рассказчика огромной шкурой убитого ещё весной по прибытии на место медведя. В разговорах мужчины взялись обсуждать качества зверя и невероятные случаи из практики охоты. В рассказах, то медведя не брала пуля, если попадала в лоб и рикошетила, то медведь-подранок мстил охотнику и караулил чуть ли не у бани каждую ночь, то вдруг вспомнили о медведях-шатунах и медведях-людоедах, а один долго объяснял, что самый опасный медведь – сороковой по счёту, многократно повторяя для убедительности:

– Сороковой, – значит роковой. Коли тридцать девять взял, – остынь, достаточно: сороковой тебя сломает.

Вспомнили в разговорах и о том, что было время, ходили наши предки на медведя с рогатиной и ножом, а ещё со специальным ершом и обязательно с собаками.

Но водка, как известно, пьянит, и компания скоро стала распадаться: кто-то преклонил голову на стол, а женщины дружно отправились отдыхать, чувствуя, что мужчины нынче разошлись не на шутку. Разговоры пошли теперь более открытые. За пьяными разговорами как-то не заметили, что из-за стола исчез секретарь.

Вдруг тишину ночи разорвал звонкий хлопок выстрела, и все сразу зашумели, и кинулись на звук. Стреляли в палатке Наташи и когда прибежавшие на выстрел вошли, то увидели испуганную девушку с наганом в руке и секретаря практически в невменяемом состоянии и со спущенными штанами, сидящего на топчане-кровати из досок. Секретарь улыбался глуповатой улыбкой глубоко пьяного и совершенно не соображающего человека и нелепо разводил руки, как бы объясняя:

– Ну, вышло неловко, конечно, но всё нормалёк, – щас всё уладим.

Наташу бил озноб, она рыдала, прикрываясь от взглядов мужчин руками и штормовкой, которую накинули на девушку. Сорочка на груди была порвана, а на шее виднелась легкая ссадина. Повариха Валя успокаивала девушку, а Эльвира принесла какие-то капли.

– Он, он пришёл и на меня..., приставал, – рыдала, содрогаясь всем телом, Наташа.

Ситуация была препротивной: секретарь, притащившись к девушке и не добившись взаимности от Наташи, видимо пытался требовать от девушки ласк, не учтя, что каждый геолог для работы в тайге имеет штатное оружие.

Студент порывался было разобраться с насильником, но был аккуратно отодвинут в сторону крепкими руками горняков и помощников секретаря.

Сергей Николаевич взял высокого гостя под руку и собрался вести его спать, но высокий гость требовал вести его назад к общему столу и предлагал выпить мировую. Решили – пусть выпьет, может быстрее уснет. И, правда, секретарь выпил и как будто пошёл спать, уведя и помощников.

За столом у догорающего костра сидели горняки, Стас и Пашка, Сергей Николаевич и проснувшийся от выстрела, быстро захмелевший ещё вечером, Виктор. Обсудили случившееся, заспорили о том, что же делать. Кто-то требовал пожаловаться на секретаря, но все понимали – самое правильное побыстрее, прямо завтра, отправить его из партии, а о происшествии забыть.

– А то греха не оберёшься, – подытожил Виктор, сузив до предела свои немного раскосые глаза и с некоторым наслаждением вытягивая до внушительного размера фразу.

Вдруг в кустах малины кто-то зашевелился, раздался то ли рык, то ли хриплое покашливание, кусты заходили ходуном и из темноты на слабо освещённое отблесками костра место выбрался некто лохматый, огромный и неказистый на четырех лапах. Шкура на прищельце поблескивала рыжиной, и честная компания было решила, что это видимо медведь, но раздался явно поддельный с фальцетом рык и в «звере» сразу распознали секретаря, укрывшегося с головой подаренной накануне медвежьей шкурой.

Горняки дружно повыскакивали из-за стола с криками:

– Медведь!

Но от чего-то горняки кинулись не в рассыпную, как ожидал, видимо шутник, а к нему – выползшему из кустов секретарю. На копошившегося под шкурой Николая Петровича посыпались удары кулаков, ног, а Игнатич, вооружившись поленом, раз за разом взялся лупить по бокам нешуточно взывающего гостя. Секретарь уже выл во весь голос, катался по траве, а затем попытался уползти в малинник, но был настигнут. Наконец все успокоились, а Игнатич, вдруг деланно хлопнув себя по бокам руками, прокричал:

– Ребята, так это же Николай Петрович! Секретарь наш дорогой! Перестаньте! Он хотел нас напугать! Он просто пошутил!

На крики прибежали помощники секретаря, и несколько опешив от новой, но не менее дикой сцены, организованной их начальником, подняли его и оказали помощь. Досталось секретарю основательно: он охал, держался за бок одной рукой, а другой размазывал по лицу кровь, как будто несколько посветлевшую от выпитой водки. Постанывая, хватался то за шею, то за затылок, то начинал вдруг скулить и плакать, горестно размазывая слёзы по лицу.

Горняки и геологи стояли вокруг и молча наблюдали сцену без малейшего сочувствия к большому и такому нелепому человеку, чьи способы самовыражения непременно затрагивали не только самолюбие, но и честь других людей.

Но, тем не менее, утро пришло, и солнце осветило место ночного ристалища, но не у многих были силы выйти этим утром из палаток. Выпитое накануне и высокогорье сделали свое дело: подташнивало, и болела голова.

Горняки дружно собрались у костра, слегка поправили здоровье водочкой и теперь с тревогой ожидали развития событий.

– Сейчас встанет, потребует вызвать наряд милиции, и ту-ту – как пить дать отправит нас в каталажку, на холодный полук, на скудный паек, лет этак на пяток, – нервно прогнозировал Игнатич, в то же время, не проявляя признаков раскаяния.

– Да уж, чего от него ждать, всю жизнь людей поди закладывал и сажал, – поддакнул Степан Ильич, нервно потягивая папироску, так, что, выгорая табак потрескивал и давал искру. Похоже он то же не жалел о случившемся.

– Да, что он сделает? Будем стоять на своём, что в темноте не разобрали. Ведь он рычал, был в шкуре, мы и подумали – медведь. Темно было. Ерунда, мужики, – всё будет нормально. Главное самим не расколоться и стоять на своем, – успокаивал всех Гриша-взрывник.

Как-то полегчало на душе, то ли после опохмелки, то ли после этих слов, сказанных разумным Григорием.

Наконец показалось на свет божий и начальство.

Сергей Николаевич сторонился горняков, подчеркивая своим поведением, что он здесь ни при чем, и не поддерживает действий своих подчиненных. Попив чаю, начальник партии отправился в палатку к секретарю.

Николай Петрович храпел, демонстрируя миру отменное здоровье, не столь серьезно, как показалось накануне, подорванное ночными событиями. Более того, проснувшись и опрокинув с ходу стопку с водкой в огромный и изрядно шербатый рот, секретарь заговорил о том, что пора и честь знать – радируй, мол, Сергей Николаевич, пусть шлют вертолёт. Затем секретарь долго ощупывал себя и рассматривал в осколок зеркала несколько деформированное лицо, а оглядев, взялся сокрушаться и вздыхать. Но скоро стало ясно, что он совершенно не помнит вчерашних событий, а ответ Сергея Николаевича на вопрос:

– Что это с моей мордой? Какое ощущение, как будто ею кедр околачивали всю ночь?

– Упали, вчера с обрыва, когда ходили на речку, Николай Петрович, – успокоил незадачливого человека начальник партии и привёл в благодушное состояние, поскольку больше всего после пьянок секретарь боялся новостей о своих хмельных необузданных и порой просто диких поступках.

Усаживаясь уже в вертолёт, секретарь мутными очами оглядел тайгу, реку и, возвращаясь в образ рачительного хозяина, изрёк с теплотой и заботой в голосе в адрес провожающих его Сергея Николаевича и Виктора:

– Как ещё много нужно нам сделать, товарищи.

После отъезда гостей горняки и геологи с трудом приходили в себя, переживая свершившееся прошлым вечером. Но всё наладилось, как только с утра принялись за работу.

Стас с Пашкой по-прежнему вместе ходили в однодневные маршруты. Но потребовалось осмотреть геологические обнажения у реки на отдаленном участке и в партии решили отправить молодежь в двухдневный маршрут. Получив инструкции, ребята ходко ушли в направлении Борусского хребта, монументально возвышавшегося над отрогами Западного Саяна. Маршрут был не сложным и, пройдя путь в один конец и сделав необходимую работу, молодые люди с утра отправились назад.

Стремясь не петлять по руслу речушки, которая вела извилистым маршрутом к Кантегиру, решили укоротить путь, перевалив через пару хребтов напрямую через тайгу без тропы. Прошли уже изрядно, и вскоре обнаружилась тропа, которая точно совпадала с направлением маршрута и подтвердила истинность того, что если идешь верной дорогой, то непременно найдешь тореные тропы.

Тропа увела молодых людей под гору в распадок, и вскоре было замечено впереди зимовье и люди рядом. Решили для начала приглядеться, ибо мало ли кто может быть в тайге. Как говаривал знакомый охотник, что в тайге самый опасный зверь, это человек. Оглядевшись и осторожно приблизившись, отметили, что зимовьё обжито основательно, вокруг трава вытоптана, много валяется во дворе всякого скарба. Рассмотрели и людей – все незнакомые мужики, видно по одеянию, что таёжники. Из зимовья вышел еще один обитатель лесной «хижины» и в нём Стас и Пашка сразу узнали Виктора – инженера их партии. После этого было решили сразу выйти к зимовью, обрадовавшись встрече, но что-то удержало ребят и, продолжая наблюдать, вспомнили про тёмные делишки Виктора и задумали разузнать – что же он выгадывает своими махинациями и скрытными «побегами» из полевого лагеря. Но подойти близко не удалось – на поляну перед домом выскочила собака и звонко обругала любопытствующих. Пришлось ретироваться и наблюдать за зимовьём и его обитателями издали.

А в зимовье в это время шел нешуточный разговор.

Виктор, прибежав к зимовью после очередного отъезда начальника партии, задумал вновь разжиться толикой золотишка. В прошлый раз он выменял на водку, тушенку и патроны небольшой, размером и по форме напоминающий желтую осу самородок. Но нынче был сильно

огорчён, так как мужики сказали, что фарта долго уже нет и они пустые, но водку и харч забрали и раздражённые тут же сели выпивать.

Мужики, собранные в зимовье, действительно были охотниками и промышляли в тайге тем, чем можно было разжиться. Надоумились как-то летом, пока охоты на пушного зверя нет, помыть золотишко. Попробовали – получилось неплохо. В старом брошенном шурфе и отвалах породы было добыто оставленное промысловиками золото и удалось тогда окупить затраты на весь охотничий сезон. Но нынче удачи не было.

– Не покатило что-то, – выдавливал из себя слова Силантий, по прозвищу Сила – заводила и лидер добытчиков тяжёлого, но так легко уплывающего из рук металла. С Силой на заимке «тусовались» Грек и Мороз – молодые еще парни, в жизни толком после армии пока не определившиеся. Занимались то охотой, то вдруг уходили на стройку ГЭС, то увольнялись, гуляли, пропивая заработанное, хулиганили в посёлке и снова сбегали от накопившихся проблем в тайгу. Сила был тёртым малым. Охотником толковым он не стал, но ходку в лагерную зону за браконьерство и сопротивление властям имел. Был случай: прибили они в заповеднике сохатого и были пойманы с поличным, прямо при разделке туши. Сила «закусил удила» и пытался, отстреливаясь уйти, и ведь ушёл уже, но был опознан знакомым егерем и сдался после недолгой отсидки в подвале у свояка, понимая, что всю жизнь в подполе не просидишь, а коли узнали – лучше сдаться.

Теперь разговор между Силой и Виктором шел напряжённый. Сила предложил Виктору поучаствовать в деле гораздо более опасном и дерзком, чем нелегальное мытье золота. Придумал Сила, просяживая долгими вечерами в зимовье, взять машину инкассаторов. Эту операцию он решил провернуть в тот момент, когда повезут зарплату на ГЭС и будут рядом с плотинной, а значит и воды, по которой можно на лодке быстро уйти по Енисею и скрыться в одном из притоков великой реки. А отсидевшись в ближней и скрытной землянке, подняться вверх по течению Кантегира на столько, насколько это будет возможно подняться через пороги. А далее тайгой и горными тропами можно податься в Горную Шорию, и далее к границе с Монголией, – ищи потом лихих ребят, как волка в тайге или как ветра в поле. В качестве проводника-лодочника по Кантегиру планировался Савич, как самый «ходовой» лодочник. Договорились, что Виктор уговорит Савича ждать в условленный день мужиков у первого порога Кантегира с тем, чтобы поднять их выше по течению в места уже малодоступные, как по воде, так и по суше.

Всё выглядело как будто складно, но как справиться с инкассаторами – крепкими ребятами, знающими свое дело стрелками, тем более что часто инкассаторов сопровождает машина с дополнительным милицейским охранением. Ответ пришёл после знакомства с Виктором. Машину с инкассаторами нужно взорвать, тогда всё очень быстро можно закончить, а доступ в машину к деньгам будет лёгким. А потом если делать всё быстро, то и охранник в другой машине не успеет вмешаться. Нужно было заставить Виктора принести взрывчатку и другие средства нужные для взрывания – электродетонаторы, провода и взрывную машинку. Ещё нужно было вооружиться, ведь шли на вооружённых бойцов охраны. Спихнув Виктору немного золота для затравки, Сила теперь шантажировал инженера, припугивал статьёй о незаконной добыче драгметалла и одновременно предложил большие деньги, фактически принимая его в долю на равных условиях. Про себя Сила думал так: конечно, доли Виктор не получит, ведь после нападения, когда он окажет им содействие в бегстве от погони, уберут они дурака-инженера как ненадежного партнера и не нужного свидетеля.

Виктор был испуган, но одновременно им владело желание получить серьёзные деньги, которых хватит и на машину и уютный домик у реки.

Участие в разбое Виктора смертельно пугало, но, понимая, что он с золотом попался на крючок, и, свыкнувшись с мыслью о неизбежности участия в разбое, стал уступать. Наконец в разговоре дошли до позиции, что Виктор принесёт пару пистолетов, автомат времен войны, бывших в его распоряжении на складе, а еще несколько патронов аммонита и все средства

взрывания. Договорились в итоге о том, что оружие и взрывчатые средства будет доставлено завтра и с этим расстались.

Виктор вышел из зимовья и привычно рванул быстрым шагом лыжника к лагерю партии. Студенты видели убегающего Виктора, но догонять его не стали, а вернувшись в лагерь к вечеру, они застали инженера уже на месте отдохнувшего, но явно озабоченного.

К вечеру Стас и Наташа прогуливались вдоль реки, вели свои милые и трогательные беседы, которые и по форме, и содержанию так похожи у всех влюблённых. Сидя у реки на бережку молодые люди наблюдали как Миха и Пашка на спор устроили пальбу из револьвера, на этот раз по лопате, установленной черенком среди камней. Попасть нужно было в полотно лопаты с расстояния в десять метров. Попасть ни тому, ни другому не удавалось – пули звонко чиркали и чеканили камни далеко в стороне от мишени, выбивая яркие искры. Это веселило стрелявших, и они, посмеиваясь, показывали друг другу, как у нагана 1937 года выпуска ствол вульгарно раскачивается во всех возможных направлениях.

– С таким оружием только после того, как ощупаешь медведя рукой и найдешь у него вымя, в него можно будет попасть! – шутили спорщики.

Утром, позавтракали под навесом у костровища, приступили к работе, а когда все разошлись по местам, Виктор, сделав нужные распоряжения, ушел скрытно к зимовью нагруженный тяжелым и достаточно мощным инструментом готовящегося преступления. В зимовье Виктора ждали и получив оружие: наган, пистолет ТТ и автомат ППШ времен войны, стали с интересом изучать его, разбирая уже изрядно послужившее оружие.

Виктор показал Силе, как нужно собрать схему с электродетонаторами, снарядить заряд для взрывания и, пожелав лиходеям удачи, отправился полный тревоги и недобрых предчувствий назад.

Случаются денёчки – злые, словно выкормленные гадюкой. Такой день пришёл на великую стройку в теснине русла могучей реки, за которой наблюдал весь мир.

К обеду пятницы рабочие на ГЭС ждали зарплату и премию за второй квартал, но как показали стремительно накатившие события – с зарплатой и премией пришлось всем подождать.

Пройдя поворот дороги, пролегающей вдоль реки слева и крутого обрыва справа, машина с инкассаторами вдруг подпрыгнула и вздыбилась вместе с полотном гравийного шоссе. Передняя ось машины отлетела и покатила по дороге, а покорёженный автомобиль рухнул в направлении реки на обочину. Всё произошло мгновенно, и только горное эхо ещё несколько раз повторило громогласный звук прозвучавшего взрыва. К поверженной машине сразу кинулись из укрытия трое. Все были вооружены, возбуждены и очень суетились. Один из налетчиков рванул искореженную дверь, лежавшей на боку мятой как бумажный кулек машины и та сразу поддалась, но открылась не полностью. Заглянув за дверцу и осмотрев машину изнутри, Сила, – а это был он, выдавил:

– Все готовы! Мороз, давай в машину, подавай мешки.

Мешков было несколько. Собрав добычу, разбойники побежали, и казалось – все получилось, еще сотня, другая метров, и они скроются из вида, а там лодка, река, тайга и весь мир – такой яркий и теперь доступный, но из-за поворота показалась отставшая машина сопровождения – черная стремительная «Волга». Машина резко встала, – заскрипели тормоза, открылась передняя дверь и сидящий в машине человек, быстро вышел и, оперев руку на открытую дверцу, навел пистолет на убегающих разбойников. Грянул выстрел, потом ещё, ещё. Мороз – самый молодой из нападавших, вдруг, как будто бы споткнулся, и рухнул на дорогу, словно та вдруг перед ним вздыбилась и встала вертикальной стеной. Мороз был недвижим, – пуля попала ему в шею в основании русой стриженной головы. Вокруг убитого валялись опечатанные серые мешки, туго набитые казначейскими билетами – цена его жизни. Грек, – подготовленный армией морской пехотинец, повернулся на выстрелы и, не останавливаясь, сыпанул по

машине и стрелявшему охраннику свинцовым горохом из автомата. Очередь накрыла капот, а переднее стекло «Волги» искристыми брызгами разлетелось и осыпалось в дорожную пыль. Сила уже карабкался по круче и забравшись наверх открыл огонь по машине из своего ТТ, прикрывая отход Грека. Сверху Сила видел, что Мороз уже «готов», но жалеть подельника, не было времени.

Видимо убежавшие зацепили стрелка у машины – тот не проявлял более активности. Грек тоже поднялся наверх по склону, из его груди вырывалось сдавленное хрипение, пунцовое лицо было мокрым и полно физического страдания.

– Давай Грек! Еще немного и мы уйдём! – сдавленно, задыхаясь, выдавил Сила.

Вскоре убежавшие достигли лодки, обойдя плотину по верхней тропе. Отчаяние придало сил и теперь в лодке они сидели совершенно изможденные, и, казалось, готовые умереть – так были наполнены бушующей кровью их сердца и артерии.

Отчалив от берега, завели мотор и стали быстро удаляться вверх по Енисею, унося себя и добытое в бою, как им казалось, благополучие.

Лодка стремительно летела вперед по Енисею вверх против течения реки. Сила и Грек сосредоточенно молчали, переживая произошедшие роковые в их жизни события. Вскоре лодка повернула вправо, вошла в Кантегир и достигла «дудки». Сила, который правил лодкой, засомневался в способности пройти этот сложный участок, но гонимый страхом быть настигнутым, отчаянно направил лодку в узкую горловину бушующей реки. Лодка пошла вверх по потоку и уже, казалось, вот-вот проскочит гибельный участок, как что-то надломилось в её стремительном ходе, в рокоте двигателя случился неуверенный тон. Это то ли дрогнула рука у Силы, то ли мотор дал сбой, но лодка вдруг встала, резко рванулась влево, и поток смял посудину, швырнул на каменную стенку «дудки». Раздался скрежет, потом треск ломающихся досок, корма просела, нос приподнялся, и лодку понесло потоком по «дудке» вниз, мотая из стороны в сторону и периодически ударяя о скалу. На выходе из «дудки» лодка встала бортом к потоку и была мгновенно опрокинута. Сила и Грек оказались в воде вместе со своей добычей и мешком с провиантом. Отчаянно выгребая к берегу, Сила и Грек теперь летели вниз по течению реки. То слева, то справа плывущие люди пролетали мимо валунов и пенистых бурунов воды. Силу и Грека бросало то вверх, то опускало потоком вниз, то кружило и снова несло по воле свирепой воды. Грек отстал от плывущего Силы, выгребая одной рукой, – другая цепко держала автомат, и Сила видел, как Грека крутануло водоворотом и мгновенно бросило на ярко блестящий в потоке воды камень. Грек погрузился в воду и некоторое время не был виден, а затем из воды показалась спина напарника – брезентовая куртка пузырилась воздухом, но головы Грека видно уже не было. В один из моментов Сила разглядел, как вокруг тела Грека вода расходится розоватым облаком.

Силантий выгреб к берегу и обессиленный лежал на отмели. Было ясно – он теперь остался один. Исчезли деньги, пропало всё, рухнули надежды. Осталась при нем только его жизнь, которая теперь не стоила и медной бляхи на ремне, которым он подпоясывался каждый день. А ещё жила в этом человеке огромная, как валуны у реки злоба на весь этот такой благополучный, выстроенный кем-то строгим мир, который не знает пощады и всегда наказывает его за поступки, которые многим сходят с рук. Силантий заскрипел зубами от ярости и отчаянья.

– Нет, я вам не дам, не дождёте, – выговаривал себе, сцепив зубы, Силантий, собирая последние силы.

Сила направился вдоль берега и достиг лагеря уже к вечеру. Лагерь был ещё пока пуст, только Виктор, повариха и вернувшаяся с «горы» Наташа находились в нём. Сила, озираясь и по-звериному ведя носом, скрытно подошёл к палатке Виктора и вошел в неё. Виктор со страхом глядел на мокрого и резко осунувшегося Силу, который устало присел на чурбан-табурет и выдохнул:

– Всё кончено. Ни денег, ни мужиков. Столько трупов и всё впустую. Господи, что же делать?

Поборов слабость, Сила приказал:

– Собирайся, бери оружие, патроны, жратву и уходим в тайгу. Отсидимся, а там глядишь, что-нибудь придумаем.

– Я, я не пойду с тобой. Так мы не договаривались, – тихо, с опаской поглядывая на Силу, ответил Виктор.

Не дождавшись ответа, уже несколько более уверенно добавил:

– Вы натворили дел, вам и отвечать.

– Э, парень, хочешь остаться в стороне – не получится. Я вот остался один, а значит, отвечать будет некому, кроме тебя. Я им не дам, – устало процедил Сила, и его лицо обезобразила гримаса, отразившая душевные муки, разочарование и физическую боль.

– Что? Значит, – не пойдешь? Гнида трусливая. Собери мне еды на первое время. Мне нужно идти, – закончил Сила, понимая, что заставить Виктора он не сможет, а брать такого напарника – себе дороже выйдет.

– По радиации передали, что сюда летит вертолёт. Вас опознали, – соврал Виктор, надеясь побыстрее избавиться от подельника.

Сила стал затравленно озираться, лихорадочно подсчитывая – сколько у него времени на то, чтобы скрыться в тайге. Получалось, что совсем мало оставалось времени на то, чтобы успеть укрыться в надежном месте. Вдруг в проёме палатки появилась Наташа, которая несколько растерялась при виде незнакомого, такого странного и даже страшного человека.

– Извините, я потом зайду. Хотела рассказать про работу на «горе», – сказала было в растерянности девушка, отступая назад.

Дикая мысль пронзила воспаленный мозг Силы.

– А, вот, кто пойдёт со мной! – вдруг воскликнул он, решив, что девушка, такая юная и маленькая, может быть гарантией его благополучного бегства и аргументом в споре с властями.

Сила вскочил и, быстро выхватив пистолет, приставил к голове Наташи, и грозный в своей решимости, приказал девушке:

– Идем!

Сила и его новая жертва двинулись вверх по течению реки и вскоре скрылись за кустами и деревьями. Виктор сидел в палатке и лихорадочно искал выход для себя из сложившейся ситуации.

– «Так, Сила остался один. Если его возьмут, он укажет на меня. А если не возьмут, и Сила сгинет, то можно соврать, что оружие и взрывчатку украли или отняли силой. Нет, лучше украли, так, как если бы отняли, я должен был бы сразу доложить. Но как украли? – ведь всё хранится под замком по описи».

– Господи! – какой же я идиот, – ввязался в такую авантюру! – так лихорадочно рассуждал Виктор, понимая, что влип он настолько серьёзно, что, если удастся выпутаться – это будет самой крупной удачей в его жизни.

Вдруг совершенно неожиданно для себя Виктор воскликнул, обращаясь к тому, о ком, казалось, никогда и не думал ранее:

– Господи! Помоги мне.

В лагере у костровища послышались голоса вернувшихся с работы горняков и геологов. Виктор ринулся к ним, собираясь сообщить о захвате Наташи. Выслушав невнятный рассказ Виктора о нападении на лагерь вооруженного бандита, который увёл с собой Наташу вверх по реке, Виктор подумал, что пора сообщить о происшествии по радиации с тем, чтобы информация дошла до милиции. После экстренной связи по радиации Виктор взял карабин и отправился вверх по реке. Ещё раньше Виктора, сразу после известия о захвате Наташи, по тропе убежали Стас и Пашка, полные отваги и решимости отбить подругу.

Сила и Наташа, тем временем, шли по тропе вдоль реки. Сила постоянно прислушивался и озирался, ожидая появления вертолѐта с милицией. За поворотом реки на плесе они вдруг увидели плот и людей рядом в ярких жилетах и касках. Четверо туристов, сплавлявшихся по Кантегиру, поправляли снаряжение на плоту, а рядом дымился угасающий костерок – видимо туристы готовили чай и теперь снова отравлялись в путь.

У Силы появилась яркая идея. А что, если захватить плот и вместе со спортсменами, замаскировавшись под них, уйти из опасной теперь зоны, где его будут очень скоро искать. С этой мыслью Сила, придерживая Наташу, направился к плоту и решительно направил пистолет на ближайшего к нему крепкого парня. Из четверых сплавлявшихся по реке двое были девушками – напарницы ребят. Все четверо были очень молоды и при виде странной пары поначалу думали предложить им помощь – столь усталыми и даже истерзанными они показались, но при виде оружия совершенно растерялись и послушно спустили на воду плот.

Теперь плот нѐс по реке уже шестерых «седоков». Сила и Наташа надели оказавшиеся у ребят запасные жилеты и теперь мало отличались от туристов. Сила сидел у борта плота, контролируя действия всех на борту. Туристы отчаянно работали веслами, было видно, что справляться с перегруженным плотом им было трудно. Тем не менее, плот летел, увлекаемый потоком и скоро пронѐсся мимо бегущих по берегу Станислава с Пашкой, а затем и Виктора. Но плот явно был перегружен, и это дало очень скоро о себе горькую весть. Просевший плот на повороте реки зацепил скрытую в воде скалу и, получив тяжелое повреждение, стал разваливаться на глазах, находящиеся на берегу Стаса, Пашки и Виктора. Только в этот момент Станислав разглядел среди плывущих на плоту Наташу и, отметив её русую голову, теперь мелькавшую над водой, он побежал вдоль берега, пытаясь хоть как-то помочь девушке. Стас, несколько опередив на изгибе поток, прыгнул в воду и поплыл, что есть сил, отчаянно работая руками и ногами. Ему удалось пересечь часть реки и оказаться на пути плывущей уже без сил девушки. Руки ребят сплелись и, перехватив подругу, Стас грѐб одной рукой, правя назад к берегу. Река удачно вынесла их в тихую заводь.

Стас и Наташа выбрались на берег и лежали у воды не в силах даже что-то говорить.

Остальные участники заплыва, – неудачливые туристы, сноровисто подгребали к правому берегу и, выбравшись на сушу, теперь сидели грустные, вглядываясь вдоль течения реки и отмечая уже в отдалении мелькавшие на воде части своего плота. И лишь один участник заплыва по дикому потоку правил к противоположному левому крутому берегу, долго выискивая ложбину между скал, где он мог бы выбраться из реки.

Виктор, распознав теперь в плывущем Силантия, долго выцеливал его из карабина. Первый выстрел секанул по скале над головой плывущего вдоль скалы разбойника. Сила затравленно оглянулся на выстрел и продолжал плыть, максимально погрузившись в воду. Второй выстрел ударил в воду, не добрав нескольких метров до Силантия.

– Врѐшь – не возьмѐшь! – вспомнил вдруг любимое в детстве кино про плывущего под пулями через реку Урал комдива и героя гражданской войны Чапаева Силантий. Это яркое воспоминание и собственное восклицание придало ему новых сил, и он уже совершенно бесстрашно грѐб вперед, веря, что в него не попадут. И, правда – третьего выстрела не последовало – изгиб берега прикрыл плывущего Силу от стрелка. Теперь Силантий был напротив узкого распадка между скал и смог выбраться из воды прежде, чем Виктор снова изготовился для стрельбы. Силантий юркнул в узкую тѐмную щель между скал и стал подниматься вверх по ложбине, густо заросшей кустарником, травой и чахлыми деревцами. Впереди вдоль ложбины лежал весь покрытый мхом и заросший травой ствол некогда могучего дерева. Пытаясь обойти ствол и взобравшись на него, Силантий вдруг поскользнулся на сырой полусгнившей лесине, – ноги скользнули назад и в стороны, и он рухнул головой вперед в ложбинку между стволом и склоном. Нежданно раздался лязг металла, и дикая боль полыхнула в голове и в глазах, неве-

роятная боль стремительно разлетелась по всему телу, и свет погас мгновенно: Сила угодил в медвежий капкан.

Он об этом не знал и, собственно, никогда этого уже и не осознал. Огромный капкан, прикованный к упавшему стволу, был поставлен на медведя давно, видимо еще прошлой весной или осенью, простоял всю зиму, был засыпан снегом, а теперь забытый караулил свою жертву. Сила угодил в капкан головой, и ржавое железо обхватило мертвой хваткой живую плоть разбойника и душегуба. Силантий еще был жив, периодически приходил в себя, пытался всё встать, стряхнуть с себя этот неведь-откуда взявшийся тяжелый «терновый венец», но вновь терял сознание.

Душа Силантия тусклым лучом взмыла вверх ровно тогда, когда серебристая Луна вышла из-за Брусского хребта и осветила реку, вершины деревьев, наложив густые тени на ущелья, распадки и лес. В этот момент Станислав и Наташа сидели у реки, обнявшись, и снова, и снова переживали свершившиеся в их жизни последние события.

– Смотри, что-то сверкнуло, как будто луч, – показал Стас Наташе на всполох над тёмным ущельем на другой стороне реки.

– Звезда, видимо, – ответила девушка, глядя, собственно, не на неведомый свет, а на студента. Глаза у Наташи светились сейчас ярче всякой звезды.

Практика у Станислава подходила к концу и, наговорив, друг другу много хороших слов на прощание, наобещав много несбыточного, Стас и Наташа вскоре расстались, оставив в своей памяти всё, что с ними произошло этим необыкновенным летом на берегу студёной реки.

Виктора вскоре арестовали. Слишком многое показывало на его участие в нападении на машину инкассаторов, и на этом закончилась карьера ловкого малого, так и не ставшего настоящим горным инженером.

А Секретаря вскоре сняли с должности, оценив произошедшее на стройке как серьёзное упущение в работе местной власти.

ГЭС пустили в срок. Было много шумихи, воздушных шаров, транспарантов, речей и последовавших за этим наград. Правда, поработав несколько часов, турбина была остановлена ещё на полгода.

И только река гордо, верно, стремительно и невозмутимо несла свои студёные воды, настойчиво совершенствуя свое русло и соревнуясь с бегом времени, неизменно доказывая, что каждому событию свое мгновение, а в одну реку дважды одномоментно не войдешь, а войдя единожды, выйдешь из неё уже иным, иногда совершенно другим, человеком.

БУЛЬ И УСАЛА

Моя лодка под названием кандидатская диссертация дала течь...

Научный руководитель, мудрый Борис Моисеевич, прослушав доклад на заседании кафедры, резюмировал спокойно и увесисто:

– Что-то, брат, у тебя не сходится. Выявленная тобой погребённая россыпь слабо связывается с поисковыми признаками. Не верно, однако, определен маршрут формирования золотой россыпи. Думаю, надо ещё раз смотаться на реку и взять пробы в шурфах, пока те не обвалились.

Было обидно. Легко сказать – смотаться. До россыпи тысяча вёрст на север в глухую тайгу, по норовистой реке, в мир дикого зверья и ещё более оголтелой банды мошкары, и комаров. Казалось, что вот сделаю доклад на последнем в июне заседании кафедры, за лето всё поправлю, уютненько устроившись на даче у реки, а осенью выйду на защиту. И это была цель, задача, донести до цели этот «саквояж без ручки» или «скользкий арбуз» – свою диссертацию, которая беспокоила, напоминала о себе, несколько отравляя этим жизнь. Работа, которой казалось, не было конца, отнимала массу времени и, твердила-напоминала о не реализованных давно придуманных идеях. Но старик, которого между собой звали, используя инициалы имени и отчества – Буль Мاستифф или просто Буль, был иного мнения.

Булем профессора прозвали мы ещё студентами за сходство как внешнее – старик был грузен, если не могуч, а мощь его была как внешней, так и внутренней. При этом повадки профессора очень были близки к характеру популярной породы собак, из которых наиболее были заметны высочайшая скорость реагирования на раздражители и мертвая хватка, что необъяснимо сочеталось с некоторой медлительностью.

Для полноты образа Буля можно привести анекдотический случай, который передавался из уст в уста ряда поколений студентов, имевших честь учиться наукам у старого профессора.

Буль не чужд был принять с устатку рюмку другую коньяка. А когда в государство пришла такая беда как «сухой закон» и купить что-либо спиртосодержащее и достойное по качеству стало сложно, возникла некоторая потребность в исполнении устоявшейся за многие годы привычки. Буль возникшую проблему решал как всегда оригинально. Обнаружив рядом с университетом кафе, где по-пижонски подавали кофе с коньяком, он взял за привычку, заходить в заведение и покупать значительное число чашек кофе, для формирования достойной порции коньяка и просил подать коньяк отдельно от кофе. Вскоре служители в кафе привыкли к причудам профессора, и без лишних слов наливали ему рюмку хорошего армянского, грузинского или дагестанского.

– Знаешь, Слава, тема твоя хороша и методики выверенные, а вот в выводах о прогнозе коренного месторождения где-то путаница вышла. Если сейчас ошибку эту не устранить, потом сложно будет узелок развязать, – аргументировал Буль, мило улыбаясь, сосредоточенно разглядывая меня нежным взглядом удава, который вот-вот готов тобой позавтракать.

Я было заершился:

– Зачем всё это, Борис Моисеевич? Главные выводы и предложенные методы апробированы и подтверждены, а прогноз это уже второй вопрос. Может уже, закончим с диссертацией и начнём наконец жить? – заскулил я, представляя эту поездку в забытый северный край, где всё так сложно даётся: и дорога, и снабжение, и отсутствие должной помощи.

– Смотри дальше, – у тебя, брат, вся научная жизнь впереди. Эту тему ты будешь долго ещё развивать. Думаю, материала и на докторскую хватит. А сейчас самое время по горячим следам всё уточнить. А надо бы всего-то пробы дополнительные взять и ещё раз провести

уже более ёмкий анализ. Не ленись – на себя работаешь, – состроил хитренькое лицо Буль, дружески похлопал меня по плечу, заглянул в глаза и продолжил монолог, включив отеческие интонации.

– Лето проведёшь в поле, на чистом воздухе. И на месте всё ещё посмотреть уже отстранённым взглядом, оперируя новыми данными, будет крайне полезно.

– А какая там рыбалка! Помнишь, какого таймешка подняли у стрелки? Всем отрядом тянули – умотал он нас тогда! Завидую тебе! – ласково «заглатывал» меня Буль, продолжая нежно похлопывать по плечу.

Я сник. Спорить с Борисом Моисеевичем, который еще и заведующий кафедрой, на которой я работал со студентами, было сложно. Да и прав он был. Какая-то червоточина в анализах была. Очень хотелось всё уточнить, так красиво могло всё сложиться и с хорошей перспективой золотоносного прогноза.

– Ладно, – ещё не веря в реальность предстоящей поездки, выдавил я.

– Вот и славно! Вот и молодец! – поспешил закрепить успех Буль, тайно вынашивая план закончить в этом году свою толстенную монографию о золотоносных перспективах далекого эвенкийского района, который он по молодости исходил вдоль и поперёк, удивляясь геологическому разнообразию и богатству региона. И вот, ещё, оказалось, есть чему удивиться. Удалось его аспиранту выявить редкую закономерность и новые поисковые признаки, но для уверенности нужны ещё пробы и новый анализ. Этот материал мог очень сильно повысить научный уровень книги.

– В общем, – так, – уже сухо, по-деловому, продолжал «душить» меня Буль.

– Я там уже поговорил с местными. Обещали помочь. Много не дадут, но лодку со снаряжением и сопровождающего – местного охотника, выделяют. Тебе нужно добраться до места от посёлка по реке и там обойти за пару недель пробитые в прошлом году шурфы и взять пробы на комплексный анализ. Делов-то! А вернешься – сразу отдадим пробы в лабораторию, и к осени будут у нас новые данные. Всё обработаешь сам, проверишь и осенью, после отпуска, мы тебя послушаем и сразу на защиту! Добро? – закончил Буль, с довольным видом хорошо позавтракавшего змея.

Вернувшись домой, я огорошил новостью жену, которой придётся и этот отпуск провести с ребёнком без меня и стал уже думать о том, что с собой необходимо взять в дорогу. Эта задача всегда непроста, несмотря на частые поездки на полевые работы. Но опыт показывал – как не планируй, всегда что-то остается неучтенным или забытым.

Через неделю, я уже пружинисто вышагивал по местному аэродрому эвенкийского края, на территории которого находилась моя золотоносная «провинция». Долетели без приключений на винтокрылой машине золоторудной компании, и теперь предстояло решать, как двигаться дальше до места, до которого было еще более пятидесяти километров тяжёлого таёжного пути.

Меня встречали – Буль серьезно подготовил мою поездку. И не мудрено. Его в этих краях знали хорошо. Шутка ли, с молодости, с университета, он работал в этих краях штатным геологом. Сказывают, однажды блудили по тайге с отрядом с апреля по октябрь. Ни связи, ни весточки. Все думали, гадали, что случилось с геологами. Но Борис Моисеевич вывел заплутавший отряд из тайги, а на истеричные крики начальника экспедиции, спокойно положил на стол карту с новым месторождением редкостного металла, открытого за этот сезон. В результате все оказались довольны. Начальник экспедиции орден получил, а Буль как молодой первооткрыватель месторождения оказался в списке только девятым, но зато без выговора.

На вопросы: «А как там было в этом затянувшемся маршруте?», Буль, деланно задумавшись, отвечал:

– Штаны падали....

– От голода? Так похудели? – обычно дивились оторопевшие слушатели с воображением, выражая безмерное сочувствие умильным выражением лиц.

– Нет, с голодом всё было в порядке. Изодрали одежку в тайге до крайности. Под конец уже срамота на свет стала проглядывать, – отвечал, хитровато шурясь, опытный геолог.

И то правда: одежда в тайге просто «горит» на геологах – тут тебе и кусты, и сучья, камни, переправы через реки, осыпи и курумник в горах, огонь костров. Кто побывал хоть раз в тайге, знает, как непросто с экипировкой в природных угодьях.

И вот я снова здесь. Жиденькая улочка тянулась вдоль реки, спокойной в своём местном русле. На берегу размещалась база геологического отряда – всё, что осталось от прежде крупной геологической экспедиции. На пороге встречал начальник отряда, наш бывший студент, расторопный Саша Неверов.

– Привет! – шагнул ко мне Саша, топорща смешную свою бородёнку и протягивая руку для приветствия.

– Нам звонили, – продолжил Неверов, – но знаешь, людей свободных нет, а там, на участке у нас работ нынче не запланировано. Мне в местном сельсовете подсказали, что может тебя сопроводить местный охотник. Зовут его Усала, он коренной эвенк. Он, знаешь, немного странный. Шаманит, травку покуривает, живет в основном в лесу, но охотник от бога – вырос в лесу, вся семья испокон веку только охотой и жила. Он как раз в эти места собирался подготовиться к сезону зимовья, ловушки, капканы. Это знаешь, хороший вариант. У него и лодка, подходящая для прохождения порогов на реке. А лучше него горную реку никто не знает.

– Ну, ладно, что делать? – буркнул я, представляя себя в обществе нелюдимого Усала.

– Только знаешь, у него недавно младшего брата убили. Он с тех пор стал немного не в себе как бы. Нестандартная история. Брат у него – был отличный стрелок. А тут, после всех этих вестей из Чечни про беспредел в Грозном, о наёмниках и жестокостях боевиков, насмотревшись как совсем безусые призывники пытаются одолеть матерых мужиков-бандитов, собрался молча, в милиции взял справку на оружие и уехал в Чечню.

– Куда несёт-то тебя? – спросил военком.

– Поеду – нужно помочь старшему брату, – ответил скупно на вопрос охотник.

Старшим братом они называют нас всех, кто в городах живёт и вообще за рекой. Русских и всех других.

Саша прервался, закурил и продолжил свою, крайне меня заинтересовавшую историю:

– Через полгода вернулся. Сказывали, да и сам я видел – часы золотые ему подарил генерал и орден Красной Звезды – как у деда моего еще с той Великой войны. Говорят, покروшил он в Чечне духов много. А вернулся от того, что устал душой, позвал его назад дух лесной. Вот такой народ, эти местные охотники.

– А убили то его как? – уже заинтригованный спросил я Сашу.

– Похоже, выследили и в отместку за убитых в Чечне бандитов наказали. Побоялись видимо, что кто-то ещё соберется из охотников помогать большому брату. Показательная, так сказать, казнь вышла. Кто такие? – Никто толком и не видел – сразу попрятались. Сказывали, местные знали – чужие в тайге. Но они быстро, за сутки всё сделали и сожгли его в баньке. Как было – никто не видел. Ночью заметили, – горит банька. Кинулись – потушили и только утром нашли собаку отравленную, а в баньке обнаружили тело. Кто такой – опознать нельзя, но по всему это брат Усала... Терсу его звали.

– Кто-то выдал его. А так, как могли найти? – вставил реплику я.

– Вероятно, так и было. «Стукачей» у нас всегда хватало. А за деньги теперь и отца родного сдадут не моргнув. Усала твердит, что брат его среди духов мира проживает, и он с ним разговаривает. Говорит, сказал ему брат что с ним случилось и что не жалеет о том, – закончил рассказ Саша.

После рассказа Саши я задумался. История шокировала меня. События на Кавказе больно отзывались и в моем сердце. Я был знаком с ребятами чеченцами. Знал их особый нрав, думал о непростой судьбе многих чеченских семей. Одного из них даже считал приятелем. У этого парня отец сидел в колонии и долго еще был в ссылке в Сибири без права вернуться в родные места. Обида по поводу событий депортации чеченцев порой чувствовалась в нашем, в общем-то, добром общении. А теперь, думал я, возможно и мой приятель, у которого, кстати, мама русская, целится из автомата в какого-нибудь Ванюшку из-под Смоленска.

Я не стал откладывать знакомство со своим помощником Усала и направился к его дому, что стоял на окраине селения. Подходя к дому, почувствовал сзади чьё-то присутствие и, оглянувшись, увидел пёструю собаку лайку с хвостом-калачом, которая беззвучно бежала сзади, контролируя пришельца. Пёс смотрел умными серыми глазами, и было понятно, – угрозы нет, но шалить тебе не позволят.

На порожке дома сидел и пристально смотрел на меня маленький сухого тела человек в брезентовой куртке, кожаных потёртых штанах и лёгких сапожках. Круглое добродушное лицо его возраста не выдавало: ему можно было дать сорок, а можно и все семьдесят лет. Наиболее яркими были чёрные точки глаз, внимательно смотревшие из-под бровей. На лице была редкая бородёнка и едва заметные усы. На голове охотника прижилась небольшая выцветшая шерстяная шапочка в форме тубетейки. Вся одежда выглядела сильно поношенной, но хорошо и ровно прилажена, а местами на одежде были видны заштопанные суровой ниткой разрывы. В руках Усала держал курительную трубку, изготовленную из рога. Трубка слегка дымилась, а горящий табачок немного искрил и потрескивал, распространяя едва уловимый аромат.

– Добрый день! Вы Усала? – задал я вопрос для начала нашего разговора.

– Да. А ты геолог из города? – спросил Усала и, не ожидая ответа, продолжил:

– Вчера еще хотел уйти по реке, но попросили тебя взять на стрелку, вот сижу, жду.

– Спасибо, Усала. Мне очень нужно на стрелку, а потом, – назад. Поможешь?

– Завтра с утра и пойдем. А пока давай чай попьём. Я тебя ждал, уже и чай заварил, – хитренько прищурившись, Усала встал и слегка косолапя, повёл меня в дом к столу и задымленной печи. Чай был заварен в медной большой и тёмной от копоти кружке. За столом, разлили чай по чашкам, заговорили о поездке. Чай был сделан из травяного сбора, горчил, но был приятным на вкус. Усала попыхивая трубкой, отхлебывая чай и, посапывая, молча глядел, то на меня, то в открытую настежь дверь и на лайку, вытянувшуюся у порога.

Меня подмывало спросить охотника о его брате, о том, что произошло с ним.

Усала, посмотрел на меня с укоризной, как мне показалось, и сам, без расспросов, рассказал историю брата.

– Терсу поехал на войну тогда, когда узнал, что туда приехали и воюют против солдат чужие люди из других стран. Плохо воют – зло, жестоко. Когда два брата дерутся, это худо, но чужим в такой драке места нет. А солдаты-призывники – они же совсем ничего не умеют на войне, дети еще совсем. И он поехал помочь старшему брату. А на войне он не убивал обычных чеченцев, а только чужих и самых озлобленных. Их там тогда очень много собралось. Очень злые. А брат он умеет превращаться в камень, в дерево, он может так спрятаться, никто его не найдет.

– А как же он попал им в руки уже здесь – дома? – вырвался вопрос у меня.

– Он сам так решил. Устал он сильно от убитых им людей. Убитые они возвращаются и отнимают жизнь. Когда они пришли, он вышел к ним. Но они испугались, и он сам пошел в баню. Они его там заперли, подожгли баню и убежали – так они его боялись. Он теперь там, – Усала показал пальцем вверх и продолжил:

– Ему там хорошо. Мы с ним говорим обо всем. Вот вчера он мне рассказал, что приедешь ты. Он просил меня тебе помочь и рассказать про россыпь, – продолжил рассказ Усала.

Я вострепенулся:

– Откуда про россыпь знаешь?

– Теперь знаю. Ищите золото, да не там, где оно спрятано. Я точно не знаю, но знаю, что не там ищите. Так брат сказал, – ответил охотник.

Я отправился ночевать к Саше, мы долго говорили о золотой россыпи, которая всколыхнет здешние места, когда сюда придут большие деньги. О Усала и его брате мы не говорили, но я думал о них и многого понять просто не мог: эти люди жили в каком-то ином измерении, мерой которому была уникальная восприимчивость к вибрациям природы, высочайшая космическая чувствительность к малозначимым, как нам казалось, вещам. Это было сложно понять.

Утром, чуть рассвело, мы с Усала и его верной лайкой отплыли из посёлка вниз по течению реки. Смоленая узкая и длинная лодка скользила беззвучно по воде. Лайка бодро занимала носовую часть, оглядывала выплывающие из-за поворотов реки плёсы, шивера, стремнины, берега, скалы и рвущуюся вверх зелень тайги, порой поскуливая от нетерпения, если замечала на берегу какую-то живность. Усала сидел на корме у неработающего и поднятого теперь мотора и правил лодку длинным веслом. Я, опираясь на борт лодки, оглядывал окрестности и размышлял о предстоящей работе.

Плавное течение реки сменилось быстринной. Лодка ловко лавировала между огромных камней, срываясь с кручи порога вместе со стремниной. При преодолении порогов река ревела, обдавая лодку и нас холодным душем брызг. Собака легла на дно лодки, где стойко переносила качку и брызги. Я помогал править лодкой сидя на носу. После порога река успокоилась, молчали и мы: каждый был занят своими мыслями. Беззвучный сплав по реке позволял наблюдать жизнь обитателей тайги на берегах реки: то косуля, то олени были застигнуты на водопое. Вдоль леса прошмыгнула лисица, воровато поглядывая на нас. За поворотом реки открылся плёс с купающимся у берега медведем. Медведь был настолько беспечен и занят собой, что совершенно не обращал внимания на лодку. Усала приподнявшись, что-то зычно прокричал и рыкнул. Зверь вострепенулся и выскочил на берег, замер у кромки берега, поднявшись на задние лапы, внимательно и тревожно вглядываясь в проплывающую лодку.

– Что ты ему сказал? – спросил я Усала.

– Я ему сказал, что пусть будет осторожен. Пришли чужие люди в тайгу, – ответил серьезно охотник.

Так поворот за поворотом, от порога к порогу мы добрались до стрелки. Река здесь раздваивалась на два притока основного русла. Между двумя потоками у леса стояла охотничья изба, к которой мы и причалили. Пока Усала занимался поклажей, я успел сбегать до наступления ночи к ближайшим шурфам и с удовольствием отметил, что они в порядке, ещё не осыпались и воротки на них вполне пригодны для спуска. Поэтому уже на утро я наметил взять пробы в ближайших шурфах.

Работа подвигалась быстро. За три дня мы с Усала обошли ближайшие выработки, и я успешно взял пробы песка со дна каждого из них. Оставался один шурф, который был пробит в отдалении под самым склоном хребта у заболоченной речушки. Пробили его на возвышении, и вода собралась только на самом дне, что не могло помешать взять пробу. Но до этого шурфа было достаточно далеко, и я отложил работу в этом месте до следующего утра, вернувшись к домику на стрелке в сопровождении лайки. Усала, покинувший меня несколько раньше, уже готовил ужин, и я объявил ему, что завтра видимо закончим и можно будет порыбачить, наконец, вволю, а затем отправиться назад в посёлок. Усала молча кивнул, попыхивая трубочкой, которая светила ярким угольком, подсвечивая контуры лица охотника.

Смеркалось, и навалилась сразу непроглядная ночь. Я спал безмятежным сном человека, который выполнил сложную работу и не испытывал больше ни сомнений, ни каких-либо угрызений вьедливой совести.

Утром с первыми лучами солнца уже хотелось вскочить и бежать по росе к реке, – так ярко и азартно начинался день. Я сбежал к реке и, набравшись духа, нырнул в ледяную тугую струю воды, отчаянно гребя против течения. Вся моя мощь пловца в борьбе со стремниной позволила продвинуться не более чем на пяток метров – река летела со скоростью поезда. Свежий и бодрый, утираясь на ходу полотенцем, я пришел к домику. Усала сидел на пороге избушки и покуривал свою трубку – казалось, он и вовсе не ложился.

– Тебе не нужно ходить к дальнему шурфу, – попыхивая трубкой, сказал оглядывая меня Усала.

– Там тебя ждёт беда. Дождись меня, вместе сходим. Я схожу на кордон, где прикармливаю соболей, а потом и сходим, – продолжил Усала и пригласил позавтракать ухой из наловленных им с утра хариусов, поднявшись и приглашая пройти в домик к столу.

Позавтракали. Усала взялся готовить поклажу для поездки на кордон.

Я, удобно устроившись в тени домика, чертил схему расположения шурфов и строил варианты прогноза выноса россыпи, размышляя о том, где же ошибка, и почему не сходятся анализ проб и выстроенный нами прогноз коренного месторождения.

Усала не спешил, хотя вчера говорил о раннем своем отплытии на кордон, – его как будто что-то сдерживало, не давало уехать. Покрутившись у лодки, он подошел ко мне и присел рядом на корточки. Поглядывая на вычерченную схему и, как всегда, потягивая трубочку, на этот раз, погасшую, Усала показал на ближайший к нам склон горного массива и изрёк фразу, которая, показалось, перевернула подо мной твердь земли.

– Там раньше текла река, – несколько напряженно, как бы неохотно выдавая секрет, выдал он из себя.

– Как там? Там скалы, коренник. Там не могло быть русла реки! – воскликнул я, уже привыкнув к тому, что к словам Усала всегда стоит относиться с вниманием. Но сказанное было на первый взгляд настолько абсурдно, что я не сдержанно повысил голос.

Но Усала был спокоен:

– Землетрясение сильное было давно. Трясло горы, земля ходила шибко, скалы двигались, вершины рушились, вот гора и сползла в русло. Видел там за этой горой озеро? Вот что и осталось от реки. А река поменяла русло – обогнула гору и вышла через ущелье здесь, – Усала уверенно показал на русло правого речного потока.

У меня перехватило дыхание.

– Значит коренное месторождение где-то там? Под этой грядой, которая сползла в результате мощных тектонических подвижек и накрыла истинно коренные выходы золотоносных пород? Вот это да! Это очень красивая легенда, – выдохнул я, уже сходу понимая, что все ранее сделанные анализы показывают именно этот маршрут формирования россыпи.

Попив чаю, и еще раз наказав мне, чтобы я без него не ходил к дальнему шурфу, Усала с лайкой отправились верх по течению реки, огласив тайгу гулом лодочного мотора.

Я не находил покоя. Сказанное Усала меняло все представления, которые мы копили последние несколько лет. Меня несло в моих новых фантазиях и зрело чувство, что вот он – реальный и верный ответ на все вопросы, которые поставила передо мной россыпь и добытые анализы. Я решил как можно быстрее закончить с отбором проб и завтра с утра отправиться назад, чтобы доложить Булю об открытии. Нужно было искать варианты для поискового бурения через толщу пород на глубину несколько сот метров, чтобы подтвердить возникшую версию и ответить, наконец, на вопрос о коренном месторождении.

Я ходко добежал до дальнего шурфа и, обвязавшись верёвкой для страховки, соскользнул вниз в прохладу – благо, что шурф был неглубоким – метров пять-шесть, не более.

Расположившись на дне шурфа, стал ковырять песок и складывать его лопаткой в ведро. Вдруг навалилась слабость, перед глазами побежали яркие круги, дышать стало трудно. Я потерял сознание.

Очнулся я уже наверху. На меня смотрели Усала и пёс. Встревоженный взгляд обоих я принял как укоризну и, поняв, что жив, снова потерял сознание.

Усала отпаивал меня чудными отварами трав, которые собирал здесь же в тайге, добавляя свои тайные снадобья из кожаных мешочков, что-то шепча-приговаривая. Несколько окрепнув, я смог, опираясь на Усала, добрать до домика и лодки. Мое состояние нельзя было назвать стабильным и реальным. Приходя в сознание, я мог только попить или принять отвар и снова улетал в сумерки дремоты и пучину бессознательности. Очнувшись в очередной раз, я видел борт лодки и ощутил свежесть реки. На корме я увидел Усала, который поверх меня остро всматривался в стремнину реки, направляя лодку между камней.

В поселке нам помогли добраться до базы геологического отряда. Саша Неверов тут же связался с городом, вызвал санитарный борт МЧС и позвонил Булю. Я же, продолжая пускать горькую слюну, жил на грани сознания и обморока.

Последнее, что я видел, улетая на вертолете МЧС, уже с капельницей в руке, это две фигуры на краю аэродрома – большая грузная ссутулившаяся Буля и маленькая сухая – Усала. Они стояли, такие разные, но очень похожие общим – позой, в которой было отчаяние, ожидание и надежда.

Я, после интенсивной терапии, быстро пошел на поправку. Отравление болотным металлом, который скопился в шурфе, оказалось сильным, почти фатальным. Это крохотное «почти» было малообъяснимо с точки зрения медицинской науки, но что-то своевременно вмешалось в процесс отравления организма и защитило его от умирания. Пока я болел, Буль развернул с помощью Саши активную деятельность и по принципу удава «заглотил-таки» своего бывшего студента, добившись от него организации буровых работ на склоне, сползшей когда-то во время тектонического катаклизма и землетрясения горной гряды. В результате была извлечена со склада новая компактная буровая установка поискового бурения, которую подняли на гору на лошадях, выделенных также отрядом, и уже к исходу лета нам передали выбуренные образцы замечательного керна жильного кварца с крупными прожилками желтого металла. Анализ показал – наряду со спутниками в пробе очень хорошее по составу и содержанию золото.

На кафедре был праздник. Буль тряс образцами керна и без конца любовался на фотографии шлифов, тискал меня в избытке чувств и бесконечно часто поминал в своих рассказах Усала, качая головой и с чувством выражая восхищение и уважение к охотнику.

А я вспомнил наш разговор с Усала на стрелке, когда задал ему, как мне казалось, провокационный вопрос о том, как он относится к нам геологам и вообще к людям, несущим, так сказать, прогресс в первозданные северные края, которые безвозвратно меняются, теряя свои природные заповедные качества.

Ответ Усала, как всегда, озадачил меня и заставил задуматься.

«Всем нужен большой брат. Нам без большого брата не выжить. Нельзя сохраниться нам в этом теперь таком изменчивом мире без защиты большого брата», – так сказал старый охотник Усала.

А я тогда подумал:

«То, кто из нас большой брат понятно, но спорно, кто из нас брат старший, а, значит, и более мудрый».

ДОСРОЧНАЯ ОТСТАВКА

Рейс из Домодедово вылетал по расписанию. Неслись на дежурной министерской «Волге» на предельных скоростях по предновогодней, уже изрядно заснеженной и загруженной потоками столице. Автомобили вокруг елозили, разгребая снег, выпавший обильно за ночь.

На одном из перекрестков, нырнули на желтый сигнал светофора и угодили под офицера ГАИ, но опытный служака, успел разглядеть на лобовом стекле наклейку с красной полосой, одернул палочку и козырнул по-армейски.

Едва разместившись в переднем салоне ТУ-154 на удобных кожаных креслах служебной зоны, Дмитрий Бобров, оказавшись один на один со своими тягостными мыслями, вновь переживал позор и крайнее унижение, пережитое накануне в кабинете министра геологии Павлова.

– Паскудники! Что устроили! Охоты вам захотелось за государственный счет! – ревел министр, и весь его вид огромного крепкого мужика с перекошенным от злости багровым лицом вызвали оторопь.

Знали друг друга генеральный директор Бобров и министр геологии Павлов друг друга давно: многократно порой решали проблемы отрасли на совещаниях, всегда были эти часы наполнены и уважением, и пониманием.

Но теперь случилось непоправимое.

В руках министр держал газету «Известия», в которой только вчера появилась большая, на половину страницы с фото, статья известного столичного журналиста о браконьерстве геологов в Забайкалье и Якутии. Суть статьи заключалась в том, что, используя служебное положение и арендованный вертолет, геологи, геологические начальники с приглашенными гостями, занимались браконьерством и выбивали зверье прямоком из зависающей над деревьями винтокрылой машины. Под расстрел попадали и олени, и волки, и лоси, а осенью или ранней весной и медведи, едва очнувшись от спячки. Потешившись над зверьем, на дальней заимке устраивали шумные пиры с возлияниями, жаркой банькой и прочими атрибутами мужского сурового застолья.

Описано было все со знанием дела: подробно рассказано было в статье о стоимости часа работы авиации в тяжелейших полевых условиях, о рисках погубить технику и людей, о том, что цинично глумятся геологи над живой природой. Особо отметил автор то, что когда страна в едином, так сказать, порыве идет по пути социалистического созидания, некоторые ответственные работники, от которых зависит и обороноспособность страны, позволяют вот такие недопустимые нарушения законности.

Теперь в порыве ярости, увидев перед собой ответственного за происшествие, которое наверняка станет предметом разбора в Правительстве, в комиссии контроля центрального комитета партии, министр выскочил из-за стола, и что-то еще крича, в запале, приступе подступившего бешенства взялся хлестать по лицу своего подчиненного, словно генерал провинившегося перед ним денщика.

Такое вот поведение министра было за гранью.

Это был срыв человека со всех «катушек» душевного равновесия и значило одно, – удар такой силы был кем-то подготовлен и срывал личные серьезные планы министра. Гулял слух, что были сделаны попытки продвинуть министра в ЦК компартии, в верховный ряд немеркнущей с возрастом советской и партийной номенклатуры.

Бобров, отпрянул, поначалу оскорбившись от такого с ним обращения, в нем забурлила ярость, но перебить бешеные глаза министра, его жесткую руку и брань с оскорблениями, он не смог, а только отступил и прикрыл лицо рукой, также мгновенно изменившись в облике. Всего он ожидал от срочного, среди ночи вызова в министерство, но не такого вот позора, унижения, неожиданного провала долгой и всегда успешной службы в отрасли.

– Ступай, разберись там со своими бездельниками, – проревел вслед министр, отпрянувшему в сторону двери Боброву и тот понял, что лучшее, что следует сделать – это спешно удалиться, ибо все сказано и ничего уже нельзя поправить. Не драться же с ним.

В приемной, полупустой, в столь ранний час было тихо так, словно вся энергия, все звуки и скрипы, кряхтения, вздохи и стук сердец улетучились без следа – снялись, как птицы в пред-

двери надвигающейся стужи: все замерло до состояния летаргии в ожидании исхода разразившегося скандала.

Бобров потоптался в приемной, в ее самой середине, ощутив вдруг такое бесконечное одиночество и отчаяние, что вдруг где-то в груди заныло и хотелось завывать одиноким псом. Сдержав себя, Бобров оглядел уткнувшегося в бумаги секретаря. Красивого ухоженного лица женщины не было видно, и только затылок с замысловато уложенной прической, как трепетный поплавок над перегородкой, указывал на ее присутствие. Ощувив физически полную свою ничтожность, Бобров, спешно вышел из кабинета, словно ухнул в провал своего состояния, близкого к обмороку.

Бобров шагал по ковровым темно-красным дорожкам бесконечного по длине пустого коридора министерства, не слыша своих шагов, и казалось ему, что он невесом, нереален, и все вокруг декорация дурного сна. Эту ночь он практически не спал, занятый перелетом из далекого сибирского города, а теперь в дурмане навалившегося на него потрясения, был в состоянии полуборока, ибо сознание никак не могло перемолоть то, что на него обрушилось.

Дмитрий Петрович, назначенный генеральным директором крупнейшего в стране геологического объединения несколько лет назад, получил с этой публикацией в центральной газете такой силы удар в самое солнечное сплетение, что показалось, – из него выпустили дух, выпотрошили и полностью изъяли осознание себя, как значимой личности.

Прочесть статью Боброву довелось только накануне, в огромной приемной министра под ядовитые шепотки помощника и секретаря.

Заголовок статьи мгновенно выбил Боброва из равновесия и, перескакивая от абзаца к абзацу от строки к строке, он словно приговоренный к казни, судорожно хватал воздух, которого стало не хватать, в поисках фразы, слова, способных что-то изменить в восприятии прочитанного, как-то смягчить ситуацию, отсрочить надвигающуюся гибель.

Он знал, конечно, о случаях использования вертолета для охоты, но это все было дедом попутным, когда забрасывали геологический отряд на дальнюю точку. В статье же развернули такой уровень злоупотребления, такой разбор неслужебного использования авиации, что стало понятно, – выговором тут не отделаться. Вспомнил Бобров и приезды коллег из министерства с просьбами устроить «мужское» развлечение. Никогда сам Бобров в этом не участвовал, но рекомендовал подчиненным на местах прислушаться к просьбе.

Собственно, и не думал Бобров в этот момент о наказании. Было это незначимо для него. Нахлынуло на него чувство позора вселенского масштаба, ибо ничего подобного, ничего кроме благодарностей и восхищенных оценок результатов проделанной работы за всю свою долгую карьеру он не знал. Не кичился своими успехами Бобров, выросший в непростых для мальчишки военного времени условиях, испытывавший и голод, и холод, и тяжесть личных потерь. Только в праздники, собираясь на торжественные мероприятия, оглядывал он свой парадный костюм с рядом высоких наград, но одевал другой, только-то со знаком Лауреата Госпремии за открытие важного для страны месторождения урана.

Министр геологии был известен своими жесткими методами руководства в стиле крепких, как глыбы, руководителей сталинской поры. Многие из них еще совсем недавно покинули свои посты после трех и даже четырех десятков лет железного управления отраслями промышленности. Этим людям прощалось многое, ибо руководимые ими направления были хребтом экономики Союза, а каждый из них был реальным вершителем судеб тысяч своих подчиненных.

Будучи человеком из современной более молодой волны руководителей, добился министр головокружительного восхождения в высокое кресло, усвоив правила карьерного роста железных людей приводного механизма социалистического хозяйствования. Быть тонким аналитиком, воспитанным спецом, было в этой системе не достаточно: следовало показать себя жестким и уверенным с подчиненными, но покладистым, предугадывающим изменчивые

желания тех, кто возвышается над тобой. Но и этого было мало, ибо ко всему требовался высокий покровитель, и вот это было самым непростым и сложным трюком, – обрести такого.

Первое, что следовало сделать на месте первой службы, это показать всем, что он уже сейчас, даже в начале пути ты приметен небесам и не ровня каждому. Для этого требовался приметный предмет поклонения. Для Павлова таким атрибутом стал внушительный дубовый стол с большим резным креслом в комплекте, перед которым он рассаживал подчиненных на скрипучих стульях и отполированных лаками лавках и проводил свою линию руководства, порывая поставленным командирским голосом на провинившихся и лаская взором приближенных лиц.

Сбились с ног снабженцы, выискивая такую нетипичную мебель, но нашли, притащили из столицы, чуть ли не с антикварного аукциона.

Подчиненные ютились на нескладных скрипучих стульях, уже заранее ощущая себя нашкодившими учениками, и видели перед собой безупречно одетого начальника в темном костюме, белоснежной рубашке, ярком красном галстуке за огромным, словно крепостная стена, столом.

В своей первой должности начальника небольшой партии в дальневосточных горах, в срубленной на возвышении конторе, был поставлен такой, с кровью добытый стол.

Стол из дуба возвышался, сиял лакированной столешницей под ярким сукном, на массивных резных тумбах и являл образ уверенности и основательности его владельца.

– Широкий Павлов, – оценивали молодого начальника партии в экспедиции, а скоро и в геологическом управлении обширного края, подмечая растущий авторитет на местах и улавливая периодические сигналы от чиновников из столицы интересующихся делами молодого руководителя. Судачили тихонько за перекурами, но заметили и держали в уме, ожидая нового рывка вверх в карьере новоиспеченного начальника.

Рывок не заставил себя ждать, но случился в том направлении, куда и посмотреть многие и не думали. Вдруг, после нескольких командировок в Москву, объявил Евгений Павлов, что защищает диссертацию и скоро уже из Министерства рекомендовали новоиспеченного ученого на должность главного инженера. Пока новый руководитель только привыкал к большому кабинету в здании управления в областном центре, пришлось перебираться ему в кабинет повыше – начальника экспедиции.

Дубовый стол с крепким стулом также было собрались быстро перевести в высокий кабинет нового начальника геологической экспедиции, но едва поспедали уже за Евгением Павловичем атрибуты и свидетели его стремительной карьеры. Вскоре утвердился Павлов в Москве начальником крупного НИИ, а как грянула защита докторской, тут же оказался в Министерстве геологии, – пока республики, пока замом, но путь наверх был уже предопределен и был он подобен рвущемуся ввысь памятнику «Покорителям космоса» у ВДНХ.

А стол, оставленный в дальневосточной экспедиции, как отправная точка трамплина высокой карьеры, служил напоминанием и примером всем, кто пребывал сюда по служебным делам. Почти каждому, прибывшему по делам, этот стол показывали со словами:

«Сам Павлов, слышали, сидел за этим столом»

Никто уже и не удивился, когда вышел указ и Павлов вознесся сразу на место уставшего от почестей Министра самой беспокойной и обширной отрасли промышленности, занятой поиском и подсчетом основного природного ресурса огромной страны.

Бобров шел наверх степенно, увлеченный профессией геофизика: рос, как профессионал и управленец неспешно, но основательно и кресло генерального директора занимал по праву, хотя несколько и тяготился ношей руководителя. Но был спокоен Дмитрий Павлович, как бывает, уравновешен человек, профессионал, наперед знающий, куда и как направить силы и ресурсы, кого придержать, а на кого надавить, но так, чтобы человек не потух, а воспрянул.

Это было для него легко, ибо знал он свое дело и всегда был готов оставить высокий кабинет и заняться практикой «на земле», среди равных коллег-профессионалов.

Крепкий знаток геофизических теорий начал свою практику на Алдане в должности главного геофизика партии. Объект внимания геологов в этом северном краю был связан в основном с золотом, с обильными россыпями в бассейнах рек – неугомонных потоков, несущих неукротимой энергией гор и предгорий. Россыпь найти было не проблема, – практически любая река в Якутском нагорье несет золото. Бобров, увлеченный поиском, раз за разом убеждался в том, что золото в той или иной мере соседствует с ураном. Уран не прячется, – фонит отчаянно, и эта связь стала решающей при поиске новых объектов и находке урановых руд на Эльконе в Якутии. Рядышком оказалось и золото, и созданный геофизический метод стал давать высокий результат геологического поиска.

Такая вот связка металлов определила дальнейшую судьбу Боброва, его успех профессионала и грянувшую высокую Премию Правительства. Но это сейчас, а тогда, отбив очередной профиль с явным содержанием металла, следовало этот профиль выявить шурфами.

Когда шурфы глубиной в несколько метров пробили, все как положено с крепежом и добротными воротками, отметили, что ведет россыпь к скалам предгорья в сторону от шумливой реки, полной хариусов и ленков. Вот тогда молодой и полный еще иллюзий Бобров предложил пробить штольню прямо в скале, хотя бы на несколько десятков метров и увидеть уникальную руду, в которой и уран, и золото вдруг соединились и выдали богатейшую россыпь, открытую в бассейне реки. Мечтал Бобров увидеть во всю ширь залежь этой уникальной рудной формации.

Начальник партии и руководство экспедиции сразу набычились, потом обматерили, отмахнувшись от надоедливов новатора, убеждая, что план работ не предусматривает такие вот сложности, да и финансирования нет. Много в этих аргументах было верно: штольню строить – дело непростое, а скорее жутко тяжкое. Для таких работ требовалось серьезное оборудование и кадры, знающие это дело. Бобров возразил и отметил, что золото, оно конечно важное сырье, но вот уран – металл стратегический и не пора ли запросить компетентное ведомство, ибо находка уникального рудного проявления имеет государственное значение высокого порядка.

Под нажимом молодого геофизика радировали в Москву, и ответ грянул незамедлительно – проверить выходы урановых руд.

В этот момент уже начальство экспедиции стало требовать, быстрее исполнить высокое поручение. Решение высокого кабинета взялись реализовывать в спешке, без достойных технических возможностей, стараясь уложиться до холодов и когда уже, казалось, дело пошло, подземная выработка обвалилась.

Бобров горными делами не ведал, но в штольне этой бывал часто. Вышло так, что у берег его Величество Случай от обвала, а вот пяток горняков, мужиков крепких, молодых еще, опытных, оставила гора внутри, верша свой суд. По звукам, – перестукам через вентиляционный канал, стало скоро известно – живы мужики и ждут помощи. Скисшие начальник партии, прибывший из экспедиции главный инженер со свитой, в истерике кинулись к Боброву с претензией, что во всем виноват он: не будь обращения в верха и сезон бы уже закрыли с премией, а так, еще не известно, – всех посадят, или как-то обернется и посадят только стрелочников.

Бобров понял, – разгрести возникшую проблему ему, тем более что, собравшись в горестном единении, начальство ударились в пьянство и едва ли могло разумно и оперативно действовать.

Скоро взялись расчищать завалы. Бобров приказал, уже на правах неформального руководителя, которого все безропотно начинают слушаться в критических ситуациях, тащить буровой станок по дороге на гору. С недоумением в лицах горняки установили над штольной буровой агрегат и взялись бурить спешно, уловив, что в этом есть смысл. Умело управляя процессом, следовало попасть буром в выработку, в то место, где выживали в удушливой атмо-

сфере и плачущей каплями грунтовых вод кровле, пятеро мужчин, один из которых был тяжело ранен при обвале.

Буровой мастер справился с задачей и уже к вечеру буровой агрегат натужно гудел, углубляясь в твердь массива, устремленный буром в сторону штольни. Бобров тут же на коленке в тетрадке сверял координаты и показания инклинометра, чтобы буримая скважина шла точно в заданную точку. Бобров только и успевал давать команду на замер координат, чтобы не свихнуться с намеченного направления.

И, слава Богу, все удалось! Через сутки бур резко провалился в пространство горной выработки, в которой зажатые горным обвалом ютились в сырости и холоде пять человеческих душ.

Сразу же удалось в спускаемой на лебедке трубе доставить горнякам пищу, горячий чай с коньяком, лекарства, сухую одежду и получить внятный отчет об их состоянии. Получив поддержку тем, что дело не провальное, плотнее взялись за работу и горняки, и прошибли завал через штольню. Через трое суток на четвертые, рано утром горняки были спасены, напоены чаем с водкой и, уже изрядно хмельных, отправили вертолетом в больницу Алдана.

На Боброва все смотрели, как на героя, но скоро стало ясно, что проспавшиеся главный инженер и начальник партии также желают минутку славы и загремели радостные рапорты в управление и министерство об умелом руководстве по спасению попавших под завал горняков. Роль самого Боброва на данном этапе афишировать не стали, но скоро продвинули сразу в главные геофизики экспедиции, занятой разведкой урановых руд в обширных степях Забайкальского края в район Красного камня.

Помнил Дмитрий Петрович свое первое посещение уранового рудника, его подземных лабиринтов и то, как вручали ему в Кремле Госпремию и орден Трудового Красного Знамени за крупное геологическое открытие. Тогда жизнь двигалась вперед широким фронтом новых, больших задач и планы в достижении намеченных целей были грандиозными.

Но не углядел прореху в системе генеральный директор. Знал он, что геологи народ ушлый, отчаянный и порой выполняя свое геологическое задание, то сетку поставят, усадив вертолет на далеком недоступном озере, то заскочат на охоту с открытием сезона. Раз за разом строжился он, прилетая на дальнюю точку. Ругался было, убеждая, что до беды тут не далеко. Но понимал Дмитрий Павлович, – работа такая, да и люди в геологии не маменькины сынки и получается у них дело делать именно от того, что они вот такие – бедовые, работают часто на риске, порой просто самоотверженно. Отвергая себя, свои порой чаяния и потребности, – это точно сказано, ибо мало кто и вспомнит, что уран фонит и по капле отнимает, высасывает здоровье, – хочешь ты этого или не хочешь. А геологи все равно лезут в штольню, шурф, – пекло без проверки и опаски и делают свое дело. Но прибывая раз за разом на точку, угощали его геологи то копченым хариусом, то ухой из тайменя, то сохатиной и нимало не тушуясь, отшучивались, что охота дело благородное. Качал головой в ответ Дмитрий Петрович, понимая по сути, что без этого в геологии никак: духа первопроходческого, стремления охотника-добытчика у мужчин не отнять, да и не проживешь в тайге на тушенке и галетах.

Самолет встретился снова с землей через пять часов полета на восток, и раннее утро зимнего дня было сумеречным. Путь на такси до дома был быстрым и вот дверь квартиры, за которой еще отдыхали в этот ранний утренний час родные. Состояние Дмитрия Петровича было странным. Он шел, двигался, что-то делал, но видел себя как бы со стороны. Это вот я, – думал он, – человек, которого совсем недавно вывели за скобки системы, в которой он существовал и вершил большие нужные дела. А теперь его как бы уже и нет – есть оболочка, внешность, но был ведь дух, который вышибли нынче, оглушили, распылили, превратили в небылицу.

Бобров прошел в кабинет, открыл сейф. На звуки встала жена и заглянула к нему в кабинет бодрая уже, как будто и не спала.

Странно, но и ее Бобров видел, как бы со стороны – третьим в их компании – вот он, вот она, а видит он эту парочку, как на экране.

Жена улыбнулась ему, поприветствовала и сказала что-то шутливо о том, что он так быстро вернулся, что она даже и не успела погрузиться-соскучиться и не устроила девичник, обычный, когда он уезжал в командировку. Шутила супружница, а он знал, – ждала и скучала. А жена, отметив «зашторенность» мужа, бросила с улыбкой, прикрывая дверь:

– Сейчас приготовлю завтрак.

Бобров достал из сейфа наградной пистолет, спрятал его в кармане, шагнул в прихожую, накинул пальто на ходу и, открывая дверь из квартиры, бросил жене, которая уже реально встревоженная выглянула из двери кухни:

–

Все! Меня нет! – и шагнул на площадку.

Он знал, куда ему пойти. Перед отъездом с друзьями они ходили в бассейн, – свой, на содержании объединения, выстроенный в микрорайоне, в котором было престижно получить жилье сотрудникам полевых партий. В бассейне был тир и сауна, и время можно было провести интересно.

На входе в бассейн его встретил сонный вахтер: узнал, козырнул приветствуя.

Бобров не вступил в разговор, так, как делал обычно, – сберег эмоции, попросил ключи от тира, улыбнулся кривенько на реплику:

– «Отчего так рано, Дмитрий Петрович?»

И зашагал спешно в подвал, где тир и размещался.

Здесь в этом глухом помещении за стальными дверьми, словно в склепе, Бобров вспомнил вчерашнюю встречу, то унижение от министра и ощутил, как побледнел, кровь отхлынула от лица, сразу захватил сознание вихрь бунтующей крови, запекло в сердце. Захотелось все сделать скорее. Он знал, что тут ему никто не помешает, и он знал, – жить он далее не сможет.

Дмитрий Петрович в очередной раз увидел себя со стороны, лежащим на неаккуратно уложенном шахматными квадратами кафеле лицом вверх с раскинутыми руками и глазами, устремленными ввысь, а темное, словно черная дыра, поглощающее свет пятно крови, растекалось медленно вокруг головы, словно лава из вулкана после мощного извержения.

БЕЛАЯ СОВА

У Валерки в пять лет уже были обязанности.

Требовалось с утра пойти к берегу океана и притащить кусок выпиленного льда для воды на хозяйственные нужды. Для питья требовалось растопить снег. А еще нужно было принести дров для большой, прожорливой печи. Печь трудно растапливалась, – изрядно дымила, но прогревшись начинала гудеть, голосить, а раздухарившись, раскалялась до красна и бралась греть и дом, да так, что начинали «плакать» заросшие льдом оконца и сочиться вода по наледи в углах промёрзшего насквозь ветхого домишки.

Дом, в котором жил Валерка, его мама и отчим стоял на берегу Ледовитого океана у моря Лаптевых в устье реки Лена у самого северного порта страны Тикси.

На острове с выдающимся в море скалистым мысом стоял маяк и следовало строго по расписанию включать сигнальный огонь. За эту функцию отвечала мама и отчим.

Как сказал, прощаясь, доставивший их на маяк человек в кожаном плаще:

–

Головой отвечаете за работу маяка!

И погрозил, слегка прищурившись, пальцем.

Мама и отчим проводили много времени, выполняя обязанности на сигнальном маяке, и Валерка оставался подолгу один.

Обязанности для мальчика были вполне подходящие, хотя и непростые. Валера справлялся с делами, несмотря на мороз, резкий порой ветер и то и дело разгулявшуюся пургу. Но исполнение дел, возложенных на мальчугана, было серьёзно осложнено тем, что к маяку стала наведываться белая, а иначе полярная сова, что пряталась укутанная туманом, где-то в заснеженных складках прибрежной скалы.

Полярная сова – красивая большая птица, но с некоторых пор взявшаяся охотиться за Валеркой. Сова упрямо решила в эту суровую зиму утащить укутанного в тощее пальтишко и меховую заячью шапку мальчика как добычу,

Для обороны от совы отчим выстругал для Валерки остроконечную палку в рост с пикой, но сова умела атаковать мальчишку совершенно неожиданно. В этом грозной птице помогала полярная ночь. Зависнув неслышно над снежной поляной, сова плавно и беззвучно вдруг оказывалась над ребенком и тут же пыталась ударить выставленными вперед когтями или нанести разящий выпад хищным своим клювом.

Однажды, когда мальчик тащил вверх от берега к дому ледяной прямоугольник за верёвку, сова подкралась и зависла парашютом на своих невероятно больших крыльях над Валеркой, но вместо того, чтобы напасть, вдруг пустила в мальчишку белёсую струю и серая жидкая масса тут же застыла на пальто.

– Это, брат, она тебя пометила, – резюмировал отчим, выслушав рассказ испуганного Валерки и осмотрев метку, от которой, даже после стирки на пальто осталось выцветшее, словно прожженное пятно.

– Кислотой, что ли какает, – подивилась мама, оттирая следы нанесённой совой метки.

– Берегись, Валерка, сова не на шутку за тебя взялась, – продолжил отчим.

На острове с маяком семья Валерки оказалась после ареста отчима и ссылки всей семьи перед самой войной. В то предвоенное время грянула депортация граждан западных окраин страны и всю семью отправили поездом на восток, не дав толком и собраться.

Путь на восток занял время до самых морозов. Долго ютились на подселении в пригороде Иркутска, а следующим летом снова ссыльные немалым числом двинулись в путь уже по реке Лена на барже влекомые течением и направляемые буксиром с нещадно чадающим мотором.

Так вот и вышло, что Валерка рос основную часть своей жизни в дороге под конвоем, – то в поезде, то на подселении в деревне, то на барже, плывшей на север долгие два месяца. Теперь вот приходилось спешно взрослеть мальчишке здесь на острове под присмотром белой совы.

На катере семью Валерки сопровождал крепкий мужчина в кожаном плаще и фуражке со звездой, ярко горевшей в сыром морском воздухе. На боку человека, увесисто оттягивая ремень, размещалась кобура из добротной кожи.

– Мам, смотри – у дяди наган! – восхищённо объяснил маме Валерка.

Мама не проявила интереса, а только привычно одернула сына, крайне любопытного и неосторожного по её мнению.

– Как догадался? – спросил строго сопровождающий семью на остров офицер НКВД.

Валерка смутился. В голосе дяди Коли он уловил нотки строгие и понял, что дядя не просто попутчик.

Так поселились на острове спецпереселенцы с далекого запада огромной страны, чтобы здесь на самом краешке континента исполнять важные обязанности.

Валерка помогал, как мог маме и отчиму, и всю осень и начало зимы у него выходило очень неплохо справляться.

Вот если бы не полярная сова.

Сова ждала удобного момента и появлялась совершенно неожиданно, как говорила мама: «Как снег на голову». При этих своих словах бледнела и обнимала сына.

Когда Валерка отошёл от дома достаточно далеко и оглядывался с горки по сторонам, думая, чем ему заняться, когда он выполнит свои утренние обязанности, над ним в сумерках полярной ночи появилась крылатая огромная птица. Сова ухватила крепкими когтями мальчонку за пальтишко сзади. Одна лапа держала за плечо и воротник, а вторая крепко впилась в ткань на спине. С ходу ухватив и не теряя скорости, огромная белая сова потащила Валерку сначала по снегу, а затем, убыстряя взмахи крыльями, оторвала лёгкое тельце мальчика от земли и попыталась набирать высоту. Силёнок у совы все же не доставало, и утащить в небо парнишку быстро не получалось.

Валерке было не больно, но страшно. Его волокли против его воли, как куклу и если поначалу все казалось забавным, то тут же пришел ужас, – мальчик понял, что с ним решили расправиться, и просто видимо склевать.

За плечом на ремне Валерка носил свою палку-пику, которая ему пока еще ни разу не пригодилась. Изловчившись, парнишка стянул с плеча, подвешенное на верёвочной петле, свое оружие, и снизу, толком не видя совы, взялся тыкать в неё острым наконечником. По ударам Валерка понял, что попадает в птицу. Хватка совы ослабла, но птица не сдавалась и пару раз ударила мальчика клювом по голове, на которой была прочно повязана его меховая шапка. Удары были чувствительными, голове стало больно, но шапка все же защищала от сокрушающих ударов. Валерка продолжал орудовать палкой и, наконец, сова выпустила жертву, сначала одной лапой, а затем, не удержав вес, и второй. Валерка упал в снег, а сова зависла над ним, высматривая, куда бы ударить клювом, заклекотала, негодуя.

Опустив голову и размахивая палкой, Валерка отчаянно отбивался от совы, а та несколько раз кидалась на него и когтями оцарапала руку и лицо.

Бой становился кровавым.

Вдруг раздался хлопок выстрела и птица, издав крик, упала на снег рядом с мальчиком. Валерка видел, как вытянулась шея у совы, и большой выпуклый глаз тарачился на него, медленно угасая, а по снегу расплзлось алое пятно, плавя его.

Валерка оглянулся и увидел знакомого дядю Колю в длинной шубе, шапке с кокардой и с наганом в руке. Рядом стоял отчим с ружьём. Кто из них стрелял, Валерка не понял, но он отметил, как мужчины бросились к нему. У Валерки ослабли ноги, и он повалился наземь в снег и потерял сознание.

Очнулся Валерка уже в доме, на кровати. Над ним хлопотала мама, смазывая дурно пахнущей жидкостью царапины на лице и руке. За столом сидели дядя Коля и отчим и обсуждали событие.

– Подъезжаю к дому на собаках, смотрю, а сова – огромная, как самолёт, волочит мальчишку. Я было стрелять, – но боюсь попасть в мальчика. А тут, пацан стал отбиваться, и сова выронила его. Вот тогда я и всадил в неё пулю, – рассказывал Николай.

– А я подхожу к дому, а тут целое сражение кипит. Спасибо, Вам, товарищ начальник! – отвечал ему отчим.

– Главное парень жив, не пострадал, а сову мы обезвредили. Теперь будет гулять и за льдом ходить к берегу без страха, что им пообедают голодные совы.

У каждого человека в жизни случаются события, которые нас формируют незаметно, исподволь, но придают качества характера. Валерка не стал истребителем сов конечно или иной живности в жизни, он стал большим и добрым человеком, которому довелось взрослеть в непростых условиях, он научился рано преодолеть страх и победить его, быть сильнее сваливающихся на голову напастей.

Вот так росли и мужали наши предки в годину большой войны и великой напасти на Россию, ковали характер поколения, поднявшего разрушенную войной страну.

ЧУДОЯРВИ

Каково это услышать после нескольких лет совместной жизни, любви, весёлых прогулок за руку, жарких ночей, совместного душа, когда отмытые и усталые, просветлевшие и доверчивые друг к другу, выходили и падали в белоснежную постель без сил:

– Шесть лет жизни ты мне испортил. Думала за мужика выхожу, лидера. Какой ты лидер!

Сказанула Верка, словно курёнку головёнку свернула, и сама дернулась всем телом нервически, словно это ей голову отвернули. Сказала, и так зло глянула, что сразу между нами разверзся обрыв, а иначе пропасть, в которой мне предлагали пропасть.

За окном солнечный утренний день стал серым, а воскресенье как бы буднями, и лишь одно радовало, что можно было не идти на работу, а уткнуться в компьютер и терпеть, переживая нешуточное унижение.

Я, конечно, не дар небес. Характер бывает скверный, как подгоревшая картошка, у которой внутри все светло и даже может быть вкусно, а снаружи корка малосъедобная, порченная. Есть такую картошку можно, но порой тошно. Любитель я покопаться в себе, сумрачно ковыряя утренние макароны, а не докопавшись до призрачной истины, с раздражением двинуть тарелку под настороженный взгляд жены. Могу хлопнуть дверью, сморозить глупость. Но, как известно на всё бывают причины и только вот на сказанное выше причин я не находил.

Весь этот рубежный для семейной жизни день, дома я был один, и отчего-то в душе вскоре просветлело: наметился какой-никакой путь. Квартирка моя холостяцкая пустовала, и я, из нажитого уже совместно жилья, решительно, пока горели угли раздора, взялся перебираться в своё гнездо под молчаливые и внимательные взгляды жены. Она не отговаривала, но и заметно было, что ждала, когда пойду на попятный.

В квартирке навел порядок, прикупил то, чего не доставало по моему невзыскательному на быт взгляду. Угли в душе стали угасать: хлопоты и некая отстраненность от прежних отношений, дали плоды. Вскоре освобождённый дух дал возможность активно работать, тихонечко, чтобы не спугнуть настроение, радоваться жизни.

На службе знакомые дамы, прознав о моем подрифтованном семейном статусе несколько оживились, а Лариска, которая второй раз уже вернула себе свободу от обязательных постельных сцен, кинула, проходя мимо, игриво так покачивая бёдрами:

– Девушку хотя бы домой проводил или в кино пригласил.

Вышло в целом пошловато с её непременными ужимками. А ещё эти накрученные рыжекрашенные её локоны, – просто бесили.

Должен сказать, женским вниманием я не обделён. В свои неполные сорок изрядного живота не нажил, занятия спортом в молодые годы развернули плечи и при высоком росте, если не обращать внимания на несколько помятое лицо, выглядел сносно. Не пренебрегал я и теперь спортзалом: порой гонял мяч в спортзале и даже в бассейн ходил целый год, пока от хлориванной воды не началось стойкое отвращение к плаванию.

Но одно дело, что к тебе тянутся, а другое самому проявить активность. Девчонки то, – они какие? Хвостиком вильнет, грудкой тряхнет, попкой качнёт, – привлечет внимание, а как только начинаешь знаки внимания оказывать, тут же включают режим ожидания и делают вид, что им это всё не интересно. Вот такие хитрющие недотроги. И начинаются мучения: цветочки там, шоколадки, смс-ки с глупыми порой фразами, типа «Чем занимаешься? О чём думаешь? А может, погуляем?».

В общем, детский сад вперемешку с дурдомом.

Надо сказать, что после разрыва с женой вера моя в искренность и глубину отношений иссякла. Нет, она ещё как бы присутствовала, но как только намечался реальная женщина для любви, я включал задний ход, представляя весь ужас очередной неудачи.

Между тем слякотная зима вкатилась в промозглую весну без спешного перехода и только к маю невнятно зазеленело. Жизнь катила по новым рельсам, и оказалось, что жить можно и после катастрофы. К тому же с тополиным пухом явился вдруг жаркий июль и отпуск. Легко вздохнув от отсутствия обязательств перед другими близкими к телу лицами, решился я на тур. Долго не думал: как только вбил слово «тур» в поисковик компа, тут же вывалилось – «Карелия». Я не люблю жару и многолюдье страждущих закоптить свои тела, подчас совершенно малоподготовленные к публичному обнажению.

– Еду в Карелию! – завопил я среди ночи, сидя перед компом в одних трусах, и уже скоро летел над страной, толкался в аэропортах среди движущегося в разных направлениях народа.

Накануне поездки, собрав пару близких друзей, Витька да Гошу, докладывал им о Карелии:

– Места там такие! А названия – Эссоила, Вешкелица, Корза! – песня! Там говорят в каждом подворье своё родниковое озеро и леса дивные. А в озёрах водятся навки – русалки чудные! Буду ходить по грибы! Белые там говорят, прям-таки толпятся у тропы в поисках удобной корзинки!

– Чудак-человек! Тебе, что наших сибирских лесов мало! И грибы здешние тебе не нравятся?

– Мужики! – уже изрядно окосев от выпитого, захорохорился я, но ничего не нашел, как затянуть, неуверенно следуя мелодии:

– *«Долго будет Карелия сниться, будет сниться с этих пор: остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озёр...»*

– Ну, давай, – одобрил Витек, с усмешкой прослушав мое исполнение.

– Всё лучше, чем киснуть, – поддержал меня Григорий, – и бывшей покажешь, как ты без неё хорошо обходишься, время культурно проводишь.

– А то привезёшь из Карелии карелочку, – продолжил подшучивать надо мной Витька. Вот у меня дружан есть, так он поехал как-то в Пицунду. Море там говорят шикарное, горы, лес сосновый, винишко местное. Решил отдохнуть, а привёз назад красавицу абхазочку. Он довольный, – голову напрочь снесло. А уж дома ложатся в постель, он к ней со всем пылом горящего словно факел тела и душой нараспашку, а глядь, между ними кинжал в ножнах лежит. Он, было, взялся пошутить, типа:

– Ну что ты, дорогая, ведь скоро в ЗАГС, – а она кинжал из ножен достала и так аккуратно его снова положила рядышком.

– Ну и что он? – замороженный историей спросил я.

– А что ему оставалось? Утром помчался в ЗАГС, включил все свои связи, собрал справки, денег кому надо занёс и уже через неделю получили они штамп в паспорта. Кинжал после этого повесили на стенку.

– И как живут?

– А как живут? На свадьбу целый отряд братьев и прочей родни понаехали и все с кинжалами. Тут, брат, не трепыхнёшься. Трех ребят уже растят: два джигита и дочка красавица – вся в маму.

– Так что давай дорогой, не грусти. Всё у тебя сложится, – прощаясь подвели черту под обсурдом моего положения мужики.

А Витя, приняв на посошок, взялся философствовать и держась за косяк уже открытой входной двери, изрёк глубокомысленно:

– Знаешь, Стас, самое главное в любой ситуации выйти из неё сильнее, чем ты был до. Любые говенности можно отмыть и найти путь к возврату, но это уже будет не исходная точка,

а над исходная позиция, – Виктор для убедительности поводил перед моим носом указательным пальцем по восходящей винтовой траектории, показывая, какова должна быть линия восхождения.

– Понимаешь, процесс восхождения работает, если ты не сидишь, а движешься, ни смотря, ни на что. А очиститься от говенной нахлобучки – та еще каторга! Требуется, знаешь усилий! Давай, дерзай, брат, ты на верном пути!

Самолёт прям-таки плюхнулся в лужу на бетонке Петрозаводска и уже скоро немало не торгуясь, летим через дождь на такси в поселок Вешкелица, где должно начинаться наше знакомство с севером.

– А жить будете в доме местных жителей, – улыбаясь, рассказывала милая женщина, распорядитель тура Ирочка.

– Вот, для вас улица Лесная, 2, а вот и хозяйка дома, знакомьтесь.

Передо мной стояла улыбающаяся взрослая женщина, опрятно одетая в нарядном платье. При всей нарядности в ней чувствовалась работающая сельская жительница, для которой жизнь была сосредоточена вокруг подворья. Мы познакомились с Галиной и уже скоро вышагивали вместе по селу в направлении дома на улице Лесной.

Вешкелица – культурное карельское село раскинулось на берегах одиннадцати озёр. У дороги ягода растёт гроздьями смородины и малины, тут же земляника яркими каплями оживляет зелень травы. Дом Галины и её мужа Артура разместился у одного из озёр. Тут рядом и банька, в которую по прибытии меня снарядили хозяева: оказалось, ждали гостя.

Банька разместилась у самой воды небольшого озера, заросшего у берегов лилиями. Озеро заполняло круглую котловину, образованную древним ледником, было глубоким и питалось родниками. Берега озера обильно окружены лесом так, что ветви ближних к воде пихт нависали, едва не касаясь воды изумрудными иголками. Напарившись и вдоволь поплавав в озере с чистой прохладной водой, сидел усталый и умиротворённый на кухне хозяев, швыркал чаем, угощался медком. Заговорили об озере, и выяснилось, что оно носит название Меличуярве и так названо после истории с дочерью мельника, что проживала на его берегах. Это была печальная история о гибели суженого, о долгой тоске помолвленной невесты и о её гибели в водах озера.

Весь следующий день был занят экскурсиями по окрестностям, прослушиванием карельских песен в исполнении местного ансамбля, изучением обрядов и танцев карелов. Вернулся в дом к Галине и Артура уже в темноте, и сразу влекомый желанием поплавать в озере отправился в баню на берег.

Тёмная вода, светлое ещё, но уже набирающее краски ночи небо, лапы пихт и сосен над водой и озеро, обрамленное чёрным уже на фоне неба лесом, создавали необыкновенный антураж, совершенно театральные декорации к сказочной пьесе. Я, беззвучно рассекая воду, плыл вдоль свисающих к воде ветвей и когда уже собрался, было править к мосткам, преодолевая желание плыть дальше, – так притягивало, зазывало меня озеро, из-под ветвей блеснуло, и чёрный треугольник рассек тёмную как смоль воду, слегка прошумев всплеском, и раздался девичий голос:

– Пойдешь к плотине через мост. Он соединит вас.... твоя надежда и... вера...далеко ходить не надо.

Я ошалело смотрел в сторону места, откуда прозвучал голос и видел только очертания головы и плеч над водой и два огонька на лице сияли мерцаю.

Сказать, что я испугался, нельзя. Видение было столь необычным и даже могло показаться страшным в темноте на открытой воде, но я вёл себя удивительно спокойно: я понимал, – мне ничего не угрожает.

Я вернулся в дом и тут же был приглашен Галиной к столу, на котором чай, медок и горячие оладышки. Конечно, я не сдержался и рассказал о происшествии хозяевам дома. Галина и Артур выслушали меня до удивления спокойно, а Галина обронила:

–

Так это дочка мельника шалит. Она как-то Ахти, – моему однокласснику, – Галина расмеялась, что-то видимо вспомнив, – нагадала, что он выиграет в лотерею машину. Тот пошел на другой день на почту и купил билет ДОСААФ. И что ты думаешь? Через полгода уже на Москвиче катался.

–

Даром, что водяной – Ахти, – своему видать и нагадала русалочка. А после этого лотерейные билеты у нас в селе не залеживались: раскупали все в один день, – вступил в разговор, рассмеявшись Артур, и продолжил:

–

Но никто более трёшки не выигрывал после.

–

Да, как не выигрывал! А я? – вставила слово Галина, – купила как-то десять билетов, а выиграла магнитола. Забыл?

–

А, точно. Только недолго она у нас играла. Сынок наш рыбачил на мостках, да спихнул неаккуратно в воду, – забрала дочь мельника агрегат.

–

А она мне сказала, чтобы шёл к плотине и мосту. Там что-то нас соединит, – поделился я.

–

Ну идти туда далековато будет – нужно ехать. Обычно туристов возят на экскурсию к нашей плотине. Так ты, что не женат?

–

Да как сказать? Штамп в документе есть, а так вроде и нет.

–

Её не обманешь. Коли сказала кого-то встретишь, значит видит, что твоё сердце свободно.

На следующий день была экскурсия на плотину. Группа у нас подобралась ровная такая: всех возрастов по паре. Я как-то не приглядывался, но пару девушек приятных, ладных всё же боковым зрением отметил.

Ну, думаю, с кем это меня русалка сводить собирается. Приглядываюсь к молодухам, но ничего не подсказывает, кто из них мне под стать и кого мне предстоит вскорости обнимать.

Приехали на плотину: шумит, дробится упругая струя, обдает мелкими дождем желающих что-то разглядеть в стремительных потоках. А я брожу упорно по мосту у плотины. Доски на мосту гуляют-гнутя, поскрипывают, а народ по нему ходит всё не тот. Вдруг вижу впереди как бы знакомый силуэт и походку узнаю. О, Господи! Навстречу мне робко вышагивает моя ещё пока законная супружница Вера. Не понял?! Откуда такое явление? В панике оглядываюсь по сторонам, а Вера уже возле меня и сомнений нет, – это она. Одета скромно по-туристически: в знакомых джинсиках, футболке – грудишка знакомая выпирает, кроссовках, что сам я ей покупал, волосы ветром треплет и улыбка на лице виноватая.

– Да, это я. Не ожидал? А я с Виктором встретишься, он мне твою тайну и рассказал.

– Какую тайну?

– Что ты в Калерию за женой подался. Я вот подумала и решила, что была неправа, а если ты не против, давай вернёмся домой вместе.

В сердце, что было наглухо задраено как подводная лодка перед погружением, вдруг открылись потаённые клапана. Стало мне её и жалко, и захотелось как-то утешить. Только и сказал:

—

Иди ко мне.

Вера уткнулась мне лицом в плечо, и скоро плечу стало мокро.

— Ты как-то говорил, что дважды в одну реку не войдешь. Тогда я с тобой согласилась, но теперь думаю иначе. Река-то течёт, движется и время. Нет таких условий, чтобы в одну реку войти дважды и ничего не изменилось. И потом: говорят, с возрастом восприятие времени меняется, оно как бы ускоряется, а вода она имеет память. Вот и выходит, что нет такого состояния природы, времени, самого человека, чтобы два события в жизни совпали один в один. Поэтому выходит, что в одну реку можно и нужно входить без усталости! Входить нужно столько раз, пока не получится!

Я отнял голову жены от своего мокрого плеча и глянул ей в глаза. В них было много всего: и слёз, и мольбы, и вопрос, ответ на который она ждала пуще всего.

— Давай пробовать, — ответил я и обнял Веру.

— Вот, вот, друзья, — отличный будет снимок, — раздалось рядом и лысый мужик по фамилии Егоров в франтоватой шляпе с огромным фотоаппаратом взялся нас фотографировать, выдавая серии щелчков.

— Вот, гляньте! — Юрий протянул нам свой фотоаппарат, и мы увидели на экране себя. Сомнений быть не могло, — мы выглядели счастливыми. А это значило, что река времени зачала нам эту непростую попытку.

ФЕДЯ-БАЙКЕР

У аэродрома на полянке, покрытой только-только распутившимися, не смотря на июль месяц жёлтыми одуванчиками на ослепительной зелени травы, маялись отпускники в ожидании самолёта. Кто сидел на чемодане, а кто-то прямо на траве, с нетерпением вглядывались в голубую даль, раскинувшуюся над бескрайней тайгой северной золотоносной провинции.

Несколько поселковых работников горно-геологической экспедиции и старателей артели собирались на большую землю, как говорили здесь, – на материк, отдохнуть и поправить здоровье. Материком называли большую заселённую обжитую территорию страны, оторванность от которой ощущалась всегда остро. Казалось, что здесь они временно среди таёжных бескрайних угодий, как десант на чужой планете, хотя многие просто не мыслили себе иной жизни и, оказавшись на материке, в родных краях, вскоре начинали маяться душой и грезить образами своего «острова» – с трудом обжитого места в море тайги или тундры.

Кто-то из отпускников ехал к семье, кто-то в тёплые края, мечтая о солнце и море, вине и шашлыках, доступных женщинах. Многие просто выбирался из посёлка, не имея ни цели, ни какого-либо плана, чтобы передохнуть вне зоны влияния изрядно надоевшего места пребывания. Другие, одурев от монотонной текучки, осоловев от тяжести полученных утром в кассе предприятия пачек банкнот в карманах, и растущего ощущения свободы и казалось безграничных возможностей, ехали порой, куда глаза глядят, в ожидании приключений.

Наставить отпускников по установившемуся в поселке правилу приехал заместитель экспедиции по хозяйству Иван Андреевич с участковым милиционером Кузьмой Бархатовым. Оглядев критически скучившихся на полянке отпускников, прибывшие стали внушать отъезжающим правила поведения на большой земле. Наставления эти были как своевременными, так и совершенно бесполезными, а главный тезис в наставлениях был прост и очевиден, как карандаш в стакане, – не пить в дороге, нигде не задерживаться, а ехать прямо к месту, не отвлекаясь на местных проходимцев и шлюх, особенно в аэропорту, куда отпускников вскоре должны были доставить.

– Всем советую, в «Мечту», что на площадке возле аэропорта не заходите вовсе. Там можно без штанов остаться, – давал последние наставления Иван Андреевич, зная по опыту, что непременно кто-то из отъезжающих наставление это нарушит, зайдет в ресторан, что раскинул свои «сети» со столь соблазнительной многообещающей вывеской.

Многие знали, что если соберётся бедалага с невинной мыслью перекусить вкусенько и выпить на дорожку качественного коньяка, – чуток шиканув, то запросто окажется в итоге очень скоро снова в посёлке без денег и документов с серьёзно подорванным здоровьем и в совершенно расстроенных чувствах. Место это славилось своим своеобразным гостеприимством, а именно до мелочей отработанным способом отъёма денежных купюр, заработанных горняками и старателями за долгие месяцы и годы тяжёлого, как сам драгметалл, труда.

Среди отпускников был и Федя-Байкер, сорокалетний холостяк, оптимист и неприкаянный бродяга в нескладно сидящем совершенно новом чёрном в белую строчку костюме, алой рубашке с непомерно широким воротом, в ярко-оранжевом галстуке и шикарной фетровой шляпе. Всё это добро еще пару часов назад висело на вешалке поселкового магазина, а теперь, спешно оказавшись на Фёдоре, несуразно топорщилось, отказываясь признавать в нескладном горном рабочем своего владельца.

Фёдор выбирался в отпуск впервые за последние три года и был необыкновенно воодушевлен, но при этом абсолютно трезв, рассчитывая гульнуть культурно по прилету и отбыть, наконец, в родную деревню, где ждали сына и брата многочисленные родственники.

Свое прозвище Байкер, Федор получил по недоразумению. Любил Федя присочинить, рассказывая о событиях своей или чужой жизни, пофилософствовать на темы ему порой прямо скажем малознакомые. Обычно начиная рассказ, часто на самую банальную тему, скоро Федор начинал входить в транс и накручивал подробности выхода «в свет» с такой ловкостью в красноречии, что скоро сам забывал конечную цель своего сказания, оказавшись вдруг совершенно в иной плоскости и временном отрезке исторического процесса. И вот в один из таких моментов, кто-то из приятелей, долго слушая увлечённо заливающего колокола Федю, обозвал его Байкером, имея в виду, по безграмотности, то, что Федя сочиняет байки.

Тут в разговор встрял второй кореш Феде, заявив, что байкер, – это как-то неверно звучит. Вот он читал книгу Конана Дойля про светящуюся в ночи страшную собаку Баскервиля, убивающую людей, так он жил на улице Байкер Стрит, а потому выходит, что Байкер – это видимо фамилия какого-то деятеля.

– Ну и что? Каждый писатель – вун-сочинитель, так на какой ему улице жить, – возразил приятель, – как раз на улице Байкера. И потом, может фамилия у того, в честь которого назвали эту улицу, была Стрит, а Байкер как раз и есть по-ихнему – сочинитель.

– Да нет! – вновь возразил кореш Феде, – я узнавал, стрит – это улица по-английски.

– Ну, тогда всё понятно, – Байкер стрит – улица врунов. А как ещё можно называть людей, сочиняющих такую хрень про светящуюся в темноте собаку?

На том и порешили.

Как ни странно, прозвище-нелепица закрепилась за Федей, и стало вторым именем. Было решено – любишь и умеешь врать, сочинять небылицы – значит ты байкер.

Своим прозвищем Федя загордился особо, когда раздобыл журнал с крупным на развороте фото заморского мачо в стильных тёмных очках, шляпе и кожаных штанах верхом на сверкающем хромом Харлей Девидсоне и яркой дамой в крохотной кожаной юбчонке на заднем диване мотоцикла. С удовольствием прочитав, что это и есть байкер, Федя повесил картинку у себя над кроватью, любуясь, порой и представляя себя на месте загорелого американца.

Образ байкера запал Федору в душу. Теперь при знакомстве, протягивая руку для пожатия, Федя говорил:

– Федор, и сделав паузу, увесисто подчеркивал – Байкер.

Получалось, что Байкер как бы фамилия, которая на самом деле была по-русски проста и со смыслом – Свистунов.

Вскоре отъезжающих позвали к самолёту, прибывшему и украсившему местный аэродром, на котором кроме оранжевой бочки для керосина и развивающейся на шесте полосатой мешка-кишки более ничего и не было.

По прилёту Федя, раскрасневшись от волнения, огней аэродрома, увидел в надвигающихся ранних сумерках сверкающую надпись «Мечта» и сам не заметив перемены своего состояния, уже двигался по тесной дорожке мимо палисадника напрямик к стеклянной двери ресторана, как очевидно всякий мотылёк летит на огонь, рассчитывая остывшей душой согреть хотя бы тельце.

У двери ресторана, с неоновой надписью: «Добр. ... жаловать!» пританцовывали от нетерпения две девахи с непомерно длинными ногами в красных колготках, в вызывающе-боевой раскраске лиц и свирепо торчащими вздыбленными грудями. Навстречу Фёдору раздались возгласы удивления, восхищения:

– Какой мужчина! И он был тут же подхвачен под руки милыми дамами, одурманенный невероятными ароматами парфюма, и уже совершенно счастливый, шагнул в пропасть ресторана. Фёдор вдруг как-то сразу уверовал в искренне гостеприимство и чистые помыслы принимающей стороны, совершенно забыв утренние наставления ответственных товарищей.

Федю встречали с музыкой: гремела гитара, а пара девиц, одетых в цыганские броские наряды, озорно и зазывающе подмигивая, трясли цветастыми юбками, раскачивали бёдрами

и качали грудями, подавали поднос с угощением. Федя выпил, его обняли и повели, потом налили еще....

«Пей до дна, пей до дна...», – это последнее, что помнил Фёдор.

Очнулся Федя от странного ощущения, как будто его кто-то пытался брить-скоблить тупой безопасной бритвой: на лице было мокро и липко, потом пахло смрадом псины. Федя сразу почувствовал озноб и жуткий холод, – его колотила дрожь. Открыв с огромным трудом глаза, он увидел над собой огромную лохматую харю с мокрым носом, свесившимся до земли языком и ушами, которые громоздились на огромной башке пса бесформенными лопушками. Собака, отметив, что человек очнулся, села на землю, шумно вздохнула и горестно заскулила, словно оплакивала несчастного. Затем «лопушок» огляделся, как бы выискивая того, кто может помочь безрассудному горемыке и вернулась к сидящему на газоне Фёдору. Федя осмотрел себя и, мало удивившись, отметил, что на нём только рубашка, изрядно испачканная, трусы и ботинки, а сумки, шляпы, пиджака и штанов не было. Не было и денег, так увесисто разместившихся утром в карманах и сумке. Где всё это его увесистое богатство и что случилось с ним, Фёдор не помнил совершенно.

Псина, которая теперь сидела и внимательно рассматривала Федю, выглядела странно. Огромная лохматая голова каким-то образом уживалась с длинным тщедушным телом на кривых коротких ногах. Впечатление о псе завершал безнадежно обвисший хвост и невероятно грустные слезливые глаза, над которыми громоздились увесистые в складках, нависающие на глаза, брови.

Фёдор подался по пустым ещё улицам в сторону вокзала и, наткнувшись на зевающего у дверей сержанта милиции, попросил его увезти в представительство родного горного предприятия: сейчас хотелось одного – поскорее домой. Сержант, нимало не удивившись, распросил потерпевшего, вошел в положение, и предложил Фёдору старые штаны, брошенные кем-то за ненадобностью. Вскоре мученик со свалившейся на него собакой предстал перед глазами начальства и, глядя с тоской, попросился домой по-детски всхлипывая. Пёс поддакнул, легонько твякнул и лизнул в знак поощрения руку обретшего его хозяина. Начальник, видевший всякое, скривился, махнул рукой и определил явиться завтра на вертолётную площадку.

На следующий день на вертолёте, заказанного экспедицией для заброски геологического отряда в тайгу, Федя прибыл в посёлок.

В посёлке не удивились прибытию Фёдора, и только местные собаки недружелюбно приняли прибывшую псину, так что пришлось нескладёныша нести на руках – благо руки были не заняты. Так и пришел Федя к своему домишке в обнимку с собакой, – тёплой душой, для которой его жизнь была безразлична. Изведав местного собачьего гостеприимства, Пёс теперь не выходил из двора, а только выставлял из приоткрытых ворот свою огромную лохматую голову и утробно лаял, и этого было достаточно. По поселку прошёл слух, что привёз Фёдор то ли кавказца, то ли какую иную дикую огромную псину.

Но отпуск продолжался и, заняв денег у горняцкой братвы, зажили было, но в сельмаге повстречал Федя старого приятеля охотоведа, который узнав, что Фёдор ныне не при делах, позвал его поработать на заимке:

– Делов-то – поправишь домишко, крышу починишь, дров заготовишь, с капканами да ловушками разберёшься. А зимой, если хочешь, давай поработай на охоте. Знаешь, – людей, не хватает, а зверья нынче ожидается много.

Фёдор, намаявшись без дела, согласился и на другой день уже по реке на лодке добрался до заимки, где с псом разместился в ветхом охотничьем домике, который следовало прибрать к зиме. Руки ремесло знали, дело спорилось, и скоро дом приобрел вполне жилое состояние.

Как-то Фёдор собрался половить хариуса в ближней протоке и отправился налегке. Собака, освоившись уже в тайге, молча следовала за ним. Фёдор увлеченно удил вечно голод-

ных рыб и, снимая очередного красавца с крючка, разглядел на другом берегу реки медведя. Медведь, учуяв человека, встал на задние лапы и, покачившись из стороны в сторону, направился через реку в сторону рыбака. Стало тревожно. Медведь, казалось, был настроен решительно. Убегать? Было уже поздно бежать, ведь Фёдор знал, что от косолапого в тайге не убежишь.

И тут, мирно спавший под кустом пёс, учуяв неладное, шмыгнул по высокой траве к берегу и, выставив из зарослей свою огромную голову с лопухами-ушами на голове, уставился на бредущего через реку медведя.

– Ть-рр-гаф! – визгливым противным голосом заявил о себе нескладёныш, провозгласив ещё дважды свое собачье отрицание медвежьей агрессии.

Медведь, покрутил головой, выискивая обладателя столь противного лая и увидев в траве голову пса, крепко задумался: что-то в его лохматой дикой голове не сложилось и косолапый, презрительно фыркнув, рванулся вскачь по воде и далее назад в чашу леса.

– Ну, ты брат, даёшь! Спас! Спас меня снова, – тискал пса на берегу Фёдор, настолько ошолоблен от пережитого, что не мог стоять и сидел теперь, обхватив голову своего спасителя.

Пришла зима, стало холодать и по ночам затрещали лиственницы, лопаясь от мороза. Фёдор, надыхавшись воздухом тайги, решил провести зиму на заимке, занимаясь охотой. Взяв в аренду у охотоведа добрую лайку Елизаветку, весёлую выученную охотницу светлопалевого окраса с замечательным хвостом-калачом, отправился Фёдор по реке на лыжах к заимке, благо, что основной груз ещё по осени завезли на лодке. Встал вопрос, а как быть с Псом, которому и имя как-то не приставало. Бежать по снегу он не мог, в отличие от Лизки, поэтому пришлось несуразную псину тащить в рюкзаке. Так и шли три десятка километров по реке. Фёдор на лыжах едва скользил, утапывая глубокий снег с двумя рюкзаками: в одном, что был на груди, была снедь всякая и припасы, а во втором, что висел на спине, сидел Пёс и крутил головой, то и дело, стараясь лизнуть хозяина в заиндевелую щёку. Идти по глубокому снегу нескладёныш не мог: его коротких лап едва хватало брести даже по неглубокому снегу.

Лизка носилась окрест, оглашая лес от собачьего восторга звонким лаем при виде какой-либо живности.

Пришли на заимку и начались охотничьи будни. Петли, ловушки, приманки, выслеживание зверя по следу. Дела пошли неплохо. Лизавета сноровисто отрабатывала свой хлеб, загоняя на дерево то белку, то соболька. Пёс, совершенно не приспособленный к охоте, оставался в избе и радовался, когда хозяин и Лизка возвращались с охоты.

В один из дней, ещё до больших холодов, возвращаясь с обхода петель и капканов вдоль реки, Фёдор увидел барахтающегося в воде реки, на самой быстрине, волка. По следам было видно, что серый пересекал реку вдоль промоины и тонкий лёд у её края не выдержал и проломился. Теперь волк безнадежно пытался выбраться, но тонкий лёд ломался, и зверь снова и снова оказывался в воде, теряя силы. А вода на стремнине уходила с шумом под лёд, увлекая и волка – тот боролся из последних сил. Федя скинул лыжи и, распластавшись на них, по льду стал скользить к промоине страшно рискуя оказаться в воде, – лёд был еще крайне ненадежным. Оказавшись у края промоины, Фёдор увидел глаза волка – глаза смертельно уставшего зверя смотрели пристально и в них был и испуг, и мольба, и звериная неукротимость духа. Фёдор ухватил волка за холку и потянул к себе, стараясь вытащить на лёд. Зверь, уже несколько выбравшись, прихватил зубами вторую руку Фёдора, сжал зубы, но ровно на столько, чтобы показать свою силу и решимость биться до конца. Фёдор, собрав все силы, рванул зверя и вытащил его, наконец, из воды на край полыньи. Волк тут же отпустил руку человека, встал на лапы и, покачиваясь, потрусил неуверенно к кустам на берегу. Поднявшись со льда на берег, волк замер, повернул свою угловатую голову, а осмотрев долгим взглядом своего спасителя, явно запоминая его, потрусил дальше и вскоре скрылся в чаще леса.

Фёдор вернулся в домик, а утром, услышав, как занервничала Лизавета, вышел глянуть на причину такого нервного её поведения и, выйдя на крылечко, увидел своего вчерашнего серого знакомого. Волк стоял поодаль на пригорке в компании с двумя своими сородичами, и они смотрели на Фёдора, а на тропе, почти у самого крыльца дома лежала тушка зайца, уже застывшего на морозе.

– Вот так! – подивился Фёдор и поднял добычу, как следовало понимать, принесенную волком в знак благодарности.

Волк, как будто вполне довольный, ещё мгновение смотрел на Фёдора, а затем, круто развернувшись, затрусил восвояси, отчаянно косолапя.

А на следующий день, обходя петли и капканы, Федя отметил, что из одной из петель, выставленных им в распадке, исчез попавший в неё заяц.

– Вот, пронюра! – восхитился волком Фёдор, отметив вереницу волчьих следов разного размера – знать с выводком ходил петли проверять спасённый им в протоке зверь.

Какой же все-таки удивительный этот мир, – думал Фёдор, сидя вечером у потрескивающей горящими поленьями печи и теребя за ухом своего спасителя-нескладёныша, устроившегося рядом на лавке. Вспомнился вдруг волк с его долгим пытливым взглядом серых глаз и его доверие к человеку в критические мгновения жизни. Подумалось, что ищем порой в жизни то, что не ведаем, а если находим простое живое участие другого человека ли, существа, как важно остаться благодарным даже за малое его проявление.

ИВАКАК ПАНАЛЫК – ИЩУЩИЙ С КОПЬЁМ

Старый эскимос Ивакак сидел на корточках у яранги, курил трубку и смотрел в сторону моря, забитого в эту весеннюю пору белоснежными с голубыми изломами льдинами. Море дышало, и это отмечалось по колыханию плотно сдвинутых, трущихся между собой льдин. Тяжёлая скорлупа льда вздымалась и опускалась, как возносится и опадает грудь тяжело дышащего, лежащего на смертном ложе человека.

Смерть, это тот последний рубеж, к которому был устремлён Ивакак, следуя обычаю своих предков, – уйти, пропасть в море среди льдов, чтобы не быть немошной обузой своему, так не просто живущему на берегу стылого океана, роду.

Ивакак был когда-то удачливым и неутомимым охотником, получившим имя ищущего с копьём за продолжительные и всегда успешные поиски зверя среди льдов. Было время, когда упругие лёгкие ноги долгими часами в полярной ночи без усталости выслеживали морского зверя, а сильные цепкие руки крепко держали гарпун или пальму, готовые всякое мгновение нанести удар и поразить цель. Это мог быть бредущий в поисках добычи нанук, неосторожно задремавший на солнце тюлень, или вынырнувший из воды у края льдины морж с вислыми усами.

Ивакак был непревзойденным охотником по выжиданию тюленя у дыхательной лунки во льду. Никому не удавалось так точно и аккуратно выследить зверя, настроить щуп, направить гарпун и, затаившись, выждать и поразить тюленя. Ивакак необъяснимо угадывал, в какой, в одной из заготовленных лунок, появится морской обитатель, чтобы глотнуть воздуха. Его расчёт был почти всегда верен, а интуиция не подводила: как только нос тюленя появлялся у полыньи, резкий и точный бросок гарпуна решал исход охоты.

Ещё более Ивакак любил охотиться весной с каяка, когда льды расходились и открывались широкие водные глади, свободные ото льда. Скользя почти бесшумно по воде, только слегка двигая веслом, Ивакак остро вглядывался в воду у края льдины, высматривая тюленя или моржа. И как только в глубине мелькала тень зверя, резким броском гарпуна пронзалась водная толща и, кожаный пузырь, закрепленный к древку гарпуна, начинал трепетать и уходить под воду, показывая, насколько точным был бросок. В этот момент сердце охотника билось, как неистово бьётся в предсмертной тоске пронзённый зверь, и необычайный прилив энергии вызывал восторг.

А когда к побережью из тундры приходило стадо карибу, то все люди стойбища выходили на охоту. Женщины, дети и старики, обойдя скрытно стадо, гнали пасущихся карибу на охотников, подражая вою волков. Охотники же, укрывшись в тундре, поражали карибу стрелами, пущенными загодя и сильными бросками копий, если карибу подходили близко. В этот момент между охотниками шло негласное традиционное состязание на точность стрельбы и бросков.

Ивакак славился как умелой и точной стрельбой из лука, так и сильным точным броском своей остро отточенной пальмы. Порой ему удавалось за одну охоту поразить несколько карибу, как из лука, так и пальмой. Редко кто из охотников оказывался точнее Ивакаку, и семье доставалась лучшая часть добычи.

Ивакак вспомнил, как он выслеживал раненого им моржа у полыньи, высиживая около часа наготове, чтобы добить зверя. Как оказалось, на запах крови пришёл исхудалый нанук и тот момент, когда вынырнувшего моржа Ивакак пронзил гарпуном, грозный рык дикого и голодного зверя был настолько неожиданным, что остановил в жилах кровь и охотник впервые ощутил, как от лица отхлынула кровь и как смертельно он побледнел.

Между тем Нанук поднялся во весь рост и, раскачиваясь, пошел на Ивакака.

Уперев рогатину в выступ, и направив развилку в шею вставшего на задние лапы зверя, Ивакак поднырнул под нанука и резким броском вперёд крепкой рукой, сжимающей пальму,

навалившись всем телом, распорол ему брюхо от грудины до самого паха. Нанук заревел и повис на рогатине, пытаясь дотянуться до Ивакака своими грозными лапами. Рогатина под напором мощного тела звонко хрустнула, задержав зверя на один миг и именно этого мгновения хватило, чтобы одолеть нанука и выскользнуть из-под ослабевшей туши великана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.